

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 1 (52)

2023

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук,
профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор
Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 44-91-74

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать 31.03.2023.
Выход в свет 09.06.2023.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 5,3.
Тираж 25 экз. Заказ 3-149-23.
Цена свободная.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор, профессор кафедры уголовно-правовой специализации (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия), профессор кафедры теории государства и права (Российский университет дружбы народов, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия), заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин (Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал, Санкт-Петербург, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор, руководитель секции теории безопасности Института социальных наук и безопасности (Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, Самара, Россия).

Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правовых дисциплин (Институт экономики и права (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, Севастополь, Россия), профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института правовой политики и конституционного законодательства (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М.С. Нарикбаева, Астана, Республика Казахстан).

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовно-процессуальная правосубъектность: понятие, правовая природа и процесс формирования Забурдаева К.А.	5
Конституционная реформа как вектор развития государства в современном мире (на примере России, Беларуси и Казахстана) Никитин А.Г., Виноградова А.Ю.	13
Концепция государственного суверенитета в современный период Пяткин В.Н.	23
Квалификация преступления, совершенного адвокатом с использованием служебного положения Скляр С.В.	33
«Непосредственное народное волеизъявление» как конституционно-правовая категория Убасев В.В.	39
НАШИ АВТОРЫ	45

CONTENT

Criminal procedural legal personality: the concept, legal nature, and the process of formation Zaburdaeva K.A.	5
Constitutional reform as a vector of national development in the modern world (in the context of Russia, Belarus, and Kazakhstan) Nikitin A.G., Vinogradova A.Yu.	13
The concept of state sovereignty in the modern period Pyatkin V.N.	23
Classification of a crime committed by a lawyer using an official position Sklyarov S.V.	33
“Direct will of the people” as a constitutional and legal category Ubasev V.V.	39
OUR AUTHORS	45

Уголовно-процессуальная правосубъектность: понятие, правовая природа и процесс формирования

© 2023

Забурдаева Кристина Александровна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8770-1173>

Аннотация: Несмотря на наличие достаточного количества научных работ по проблемам правосубъектности, считать данный термин разработанным и понятным преждевременно, прежде всего, ввиду отсутствия научно обоснованной теоретической концепции правосубъектности. На основе анализа доктринального и легального определения правосубъектности автор показывает выявленные противоречия в общепризнанном понимании этой категории, суть которых заключается в отсутствии согласованности с устоявшимися юридическими терминами – субъектом права, правовым статусом, правоспособностью и дееспособностью. Разрешая выявленные противоречия, автор приходит к выводу об исключительно отраслевом значении правосубъектности, обосновывая алогичность использования термина «общая правосубъектность», и в рамках теоретико-правового анализа уголовно-процессуальной правосубъектности показывает существующие связи и обусловленности между правосубъектностью и близкими по содержанию правовыми категориями – субъектом права и субъектом правоотношения, правовым статусом, правоспособностью и дееспособностью. Используя системный подход в исследовании уголовно-процессуальной правосубъектности, автор последовательно раскрывает процесс формирования правосубъектности, ограничивая сферу ее применения рамками правоприменения. Опираясь на результаты проведенного исследования, обосновывается необходимость разграничения понятий процессуальной правосубъектности, субъекта права, правового статуса и субъекта правоотношения, предлагаются авторские определения данных терминов. Формулируется понимание процессуальной правосубъектности как юридического свойства индивидуально-определенного участника судопроизводства, возникающего в результате приобретения им статуса субъекта права. В понимании субъекта уголовно-процессуального права обосновываются два аспекта: нормативно-правовой и правоприменительный. В нормативно-правовом аспекте субъект права – это обобщенное, абстрактное лицо, наделенное процессуальной правоспособностью и дееспособностью; в правоприменительной сфере субъект права выступает как индивидуально-определенное лицо, обладающее процессуальной правосубъектностью.

Ключевые слова: правосубъектность; уголовно-процессуальная правосубъектность; субъект уголовно-процессуального права; участники судопроизводства; правовой статус; правоспособность; дееспособность.

Для цитирования: Забурдаева К.А. Уголовно-процессуальная правосубъектность: понятие, правовая природа и процесс формирования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 1. С. 5–12. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-1-5-12.

ВВЕДЕНИЕ

В ст. 6 Всеобщей декларации прав человека отмечено, что каждый человек имеет право на признание его правосубъектности¹. Считается, что данным положением закрепляется непосредственная связь человека с присутствующим ему юридическим свойством (признаком, качеством) – правосубъектностью, однако в правовой науке не сложилось единого мнения, что понимать под данной категорией. В большинстве научных работ под правосубъектностью понимаются присущие лицу юридические права и свободы, а также возможность их правовой защиты в случае нарушения. Однако юридические права и свободы составляют содержание и других юридических категорий, таких как «субъект права» и «субъект правоотношения», «правовой статус», «правоспособность» и «дееспособность». Неслучайно на возможность отождествления правосубъектности и обозначенных понятий указывалось в работах классиков советского правоведения [1–3] и других. По этой же

причине высказывались суждения о необходимости исключения термина «правосубъектность» из правовой теории ввиду его неразработанности и неопределенности [4].

Если первоначально исследования юридического понятия и свойств правосубъектности осуществлялись преимущественно в сфере гражданского права [5], то начиная с конца XX века данная категория активно изучается в других, в том числе процессуальных [6; 7], отраслях права. Несмотря на возникший научный интерес отраслевых наук к институту правосубъектности, ничего нового или принципиально иного в понимании правосубъектности привнесено не было. Все отраслевые исследования базируются на признанном теории права комплексном характере правосубъектности, состоящей из правоспособности и дееспособности, и посвящаются исследованию данных признаков. В некоторых работах внимание акцентируется исключительно на правоспособности, в других – на дееспособности субъектов той или иной отрасли права без какого-либо анализа сущности, содержания и формы правосубъектности как цельного правового явления. Поэтому данная проблема до сих пор относится к числу наиболее сложных

¹ Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.

и требующих своего разрешения прежде всего на уровне отраслевого правового регулирования, так как «понятие правосубъектности всегда связано с определенной отраслью права» [8, с. 429].

В этой связи представляет интерес уголовно-процессуальная правосубъектность участников уголовного судопроизводства. Неслучайно данное понятие нашло отражение в научных трудах процессуалистов второй половины XX века, предпринявших первые шаги в изучении уголовно-процессуальной правосубъектности, но, к сожалению, все так же на уровне анализа право- и дееспособности участников процесса [9; 10]. В настоящее время данная тематика не теряет своей актуальности как в части изучения общих вопросов процессуальной правосубъектности [11; 12], так и в части правосубъектности отдельных участников судопроизводства [13; 14]. Однако отсутствие в общей теории права научно обоснованной и общепризнанной концепции правосубъектности наложило свой отпечаток на проводимые исследования, перенеся акцент с решения основополагающих вопросов процессуальной правосубъектности – определения ее сущности, правовой природы и порядка формирования – на изучение составляющих ее элементов – правоспособности и дееспособности участников судопроизводства.

Учитывая, что правосубъектность участников уголовного судопроизводства не имеет законодательного признания и оформления, а общепризнанного доктринального понимания, соответствующего фундаментальной научной мысли в сфере уголовно-процессуального права, до сих пор не выработано, научный интерес представляет исследование понятия, сущности и порядка формирования уголовно-процессуальной правосубъектности, определение ее правовой природы и взаимосвязи с устоявшимися категориями «субъект права», «субъект правоотношения», «правовой статус», «правоспособность» и «дееспособность», в содержании которых также представлены юридические права и обязанности.

Цель исследования – теоретико-правовой анализ категории «уголовно-процессуальная правосубъектность», в том числе с позиции соотношения правосубъектности с юридическими категориями, содержание которых включает субъективные права и юридические обязанности; сопоставление данных категорий между собой с целью выявления общих и различных черт между ними и определение на этой основе юридической природы уголовно-процессуальной правосубъектности, ее сущности и порядка формирования.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

При проведении исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы исследования, обуславливающие необходимость изучения социальных процессов и явлений в их развитии и взаимообусловленности при четком размежевании уровней проводимого исследования – нормативно-правовом и эмпирическом. Учитывая многозначность представленных в правовой науке концепций, взглядов, предложений по определению понятия и сущности уголовно-процессуальной правосубъектности, отправной точкой исследования стал анализ легального и доктринального понятия правосубъектности, позволивший выявить

противоречия, существующие в общепризнанном понимании данной дефиниции. Для разрешения противоречий и определения юридической природы правосубъектности потребовался теоретико-правовой анализ категорий, которые по своему содержанию пересекаются с понятием правосубъектности. Проведенный анализ таких понятий (субъект права, субъект правоотношений, правовой статус, правоспособность и дееспособность) показал существующие между ними различия и позволил увидеть процесс формирования правосубъектности, обозначить сферу ее применения и сформулировать дефиницию.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Легальное и доктринальное определение правосубъектности

В российском законодательстве термин «правосубъектность» практически не употребляется. Понятие правосубъектности содержится лишь в Кодексе административного судопроизводства РФ². Ст. 5 обозначенного закона закрепляет понятие административной процессуальной правосубъектности как совокупности административной процессуальной правоспособности и административной процессуальной дееспособности, присущей лицам, участвующим в административном деле.

Неизвестен термин «правосубъектность» и гражданскому законодательству, однако его элементы «правоспособность» и «дееспособность» получили законодательное оформление применительно к физическим (ст. 17, 18, 22 ГК РФ) и юридическим лицам (ст. 22, 49 ГК РФ) как субъектам гражданского права³. Аналогичная ситуация в гражданском процессуальном праве. Основной для этой сферы закон, Гражданский процессуальный кодекс РФ⁴, не содержит термина «правосубъектность», но закрепляет понятия гражданской процессуальной правоспособности (ст. 36) и гражданской процессуальной дееспособности (ст. 37) лиц, обладающих правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов.

Принципиально иная ситуация в уголовном судопроизводстве. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ⁵ отсутствуют рассматриваемые термины, хотя правосубъектности участников уголовного судопроизводства, позволяющей им становиться участниками уголовно-процессуальных отношений, уделяется особое внимание, так как практически для каждого участника таких отношений определяется его процессуальный статус, а также его процессуальные полномочия, права и обязанности, составляющие содержание право- и дееспособности.

Легальное понятие приведенных отраслевых видов правосубъектности соответствует общепризнанному в теории права пониманию этого термина как совокупности

² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

правоспособности и дееспособности и рассматривается как основанная на нормах права социально-правовая возможность или способность лица быть участником правовых отношений [15]. Учитывая, что содержание правосубъектности включает среди прочего правоспособность, присущую человеку в течение всей его жизни, считается, что правосубъектность также свойственна человеку пожизненно и имеет общеправовой характер: «человек рождается и в момент рождения становится правосубъектным» [16, с. 36].

Развитие отраслевого подхода в исследовании правосубъектности позволило, наряду с общей правосубъектностью, выделить так называемую отраслевую правосубъектность. В частности, рассматривая предпринимательскую правосубъектность, отмечалось, что «гражданин не с момента рождения, а гораздо позднее приобретает возможность выбирать, формировать содержание своей правосубъектности» [17, с. 92]. Аналогичная ситуация наблюдается и в иных сферах отраслевого регулирования, когда для приобретения той или иной правосубъектности необходимо наступление определенных событий, обстоятельств или совершения действий. Так, супружеская правосубъектность возникает с момента заключения брака между мужчиной и женщиной, трудовая правосубъектность – с момента вступления в трудовые правоотношения, уголовно-процессуальная – с момента получения лицом процессуального статуса участника уголовного судопроизводства и т. д.

Различая общую и отраслевую правосубъектность, ученые в обоих случаях связывают ее возникновение с приобретением статуса субъекта права: приобрести правосубъектность значит стать субъектом права, соответственно стать субъектом права может только лицо, обладающее правосубъектностью [18]. В этом смысле «правосубъектность» и «субъект права» – взаимообусловленные категории: каждый субъект права является правосубъектным, а возникшая правосубъектность означает, что лицо стало субъектом права. Существующая связь между субъектом права, как сущностью, и правосубъектностью, как его свойством или признаком, на первый взгляд очевидна, однако при более детальном изучении возникают сомнения относительно справедливости данного утверждения.

Взаимообусловленность юридических категорий «субъект права» и «правосубъектность» означает следующее: если каждый субъект права обладает правосубъектностью, а правосубъектность есть совокупность право- и дееспособности, то каждый субъект права является право- и дееспособным. Во-первых, данное утверждение не согласуется с основополагающими положениями российского права, предоставляющими лицу статус субъекта права на основании одной лишь правоспособности, в то время как правосубъектность – это всегда единство право- и дееспособности. Во-вторых, понимание правосубъектности как единства правоспособности и дееспособности ставит под сомнение существование общей правосубъектности, возникающей у лица с момента его рождения. Очевидно, что новорожденный не может быть участником правоотношений ввиду отсутствия у него дееспособности и, следовательно, не является правосубъектным, хотя и является субъектом права. Еще одним аргументом необоснован-

ного выделения общей правосубъектности является отсутствие в реальной жизни общеправовых отношений. Любое правоотношение регламентировано определенной отраслью права, следовательно, является отраслевым. Правоотношения, не имеющие отраслевого характера в условиях отраслевой структуры российского права, в принципе невозможны. Соответственно лица, способные быть участниками отраслевых правоотношений, обладают исключительно отраслевой правосубъектностью, а не общей.

Понятие субъекта права

Возвращаясь к проблеме соотношения понятий правосубъектности и субъекта права, остановимся на теоретико-правовом анализе последнего термина. К сожалению, в общей теории права до сих пор не сформирован общепризнанный подход к определению субъектов права, хотя ученые занимались данной проблематикой, предлагая различные дефиниции: от центра правовой реальности, вокруг которого складываются правовые связи и отношения, до правовой абстракции, способной олицетворяться в конкретном лице [19]. Систематизируя многообразные подходы, предложения, мнения относительно понимания субъектов права, можно выделить несколько вариантов определения.

Самая многочисленная группа авторов, в числе которых С.С. Алексеев, в качестве субъектов права рассматривает субъектов правоотношений, обладающих правоспособностью и дееспособностью [20]. Неслучайно в большинстве учебников по теории государства и права вопросы субъектного состава раскрываются в разделе, посвященном субъектам правоотношений. Справедливости ради надо отметить, что, характеризую субъектов права, авторы указывают не на непосредственное участие лиц в правоотношении, а лишь на их способность быть участниками правоотношений. Слабым местом в данной аргументации является отсутствие критериев, позволяющих отграничить субъектов права от субъектов правоотношений. Хотя то, что субъект права и субъект правоотношения не являются идентичными терминами, отмечается как в теории права, так и в уголовно-процессуальной науке.

Другая группа ученых под субъектами права понимает тех, «кому объективное право присваивает в юридическом отношении субъективное право» [21, с. 498]. В эту же группу можно включить ученых, которые в качестве субъектов права рассматривают физических и юридических лиц, способных быть носителями юридических прав и обязанностей [22]. В отличие от предыдущих авторов, ученые этой группы, определяя субъектов права, ориентируются не на индивидуально-определенных лиц – участников правоотношений, носителей прав и обязанностей, а на абстрактное правовое лицо, которое находится под действием объективного права и признается им в качестве возможного носителя прав и обязанностей.

Позиция авторов следующей группы, на наш взгляд, более обоснованная: они отграничивают субъектов объективного права как «юридическую модель субъекта правоотношения, закрепляющую в обезличенной форме ситуационно значимые социально-правовые характеристики» от реально существующих персонально поименованных субъектов конкретного правоотношения,

отвечающих социально-правовым характеристикам, установленным нормами права [23, с. 332]. Ученые справедливо обосновывают существование двух категорий – субъектов права и субъектов правоотношений. Первые являются абстрактным, обобщенным лицом, в котором заключена правовая модель будущего субъекта правоотношения; вторые выступают как поименованные, персонифицированные субъекты правоотношения.

Отраслевые правовые науки на основе понятия абстрактного субъекта права сформировали более узкое понимание данного термина, суть которого в следующем: субъекты права – это лица, выступающие носителями прав и обязанностей определенной отрасли права, например субъекты уголовно-процессуального права, субъекты гражданского права, субъекты уголовного права и т. д. Каждая отрасль права закрепляет перечень своих субъектов, понимая под ними определенный законом круг лиц, наделенных соответствующими отраслевыми правовыми статусами, содержание которых составляют право- и дееспособность.

Правовой статус, правоспособность и дееспособность

Отраслевой правовой статус – еще одна категория, пересекающаяся с понятиями субъекта права и правосубъектности. Обозначая субъекта права как абстрактное обобщенное лицо, закон дает ему юридическое имя (наименование), обозначает общую характеристику, основания и момент появления субъекта, перечень его прав и обязанностей, а также определяет право- и дееспособность субъекта права. Все обозначенные элементы в своей совокупности интегрируются в единое целое и образуют правовой статус субъекта права. Каждый субъект имеет свой правовой статус, отличающий его от других субъектов. Именно правовой статус определяет границы и объем его правосубъектности в системе отраслевых правоотношений.

В правовой науке наибольшее распространение имеет следующая дефиниция правового статуса: правовой статус – это положение личности в обществе, закрепленное посредством юридических норм в текстах различных нормативно-правовых актов [24]. В уголовно-процессуальной науке проблемы правового статуса обстоятельно рассмотрены М.С. Строговичем, который понимал под ним правовое выражение и правовое обеспечение положения человека в государстве, обществе и выделял в структуре правового статуса права и правовые гарантии реализации прав, обязанности и правовую ответственность за их неисполнение [25].

Как видно, и в общетеоретическом понимании, и в уголовно-процессуальном правовой статус субъекта права основан на нормах права, что позволяет рассматривать его в качестве абстрактного правового образования, вобравшего в себя субъекта права, его правоспособность и дееспособность, а также присущие субъекту юридические права и обязанности.

Как любое абстрактное правовое образование, правовой статус может быть реализован в реальной жизни при появлении соответствующего установленного законом юридического факта. Например, приобретение лицом статуса подозреваемого происходит при появлении одного из оснований, предусмотренных ст. 46 УПК

РФ, для приобретения статуса эксперта требуется соответствующий юридический факт, предусмотренный ч. 1 ст. 57 УПК РФ – вынесение постановления и т. д.

Схематично процесс формирования правосубъектности показан на рис. 1.

Если возникает юридический факт и лицо приобретает правовой статус, то появляется уже не абстрактный, а персонифицированный, индивидуально-определенный субъект права с правовым статусом, который в силу объективных либо субъективных факторов может не совпадать с нормативной моделью абстрактного правового статуса. Например, содержание правового статуса реального потерпевшего зависит от его индивидуальных особенностей, таких как возраст (малолетний, несовершеннолетний или совершеннолетний), психофизиологическое состояние и т. д. Полагаем, что происходящая при реализации норм права трансформация абстрактного правового статуса в статус индивидуально-определенного субъекта права и обусловила выделение такой категории, как правосубъектность лица. В этом смысле правосубъектность – неотъемлемая часть правового статуса лица, позволяющая ему вступать в правоотношения. Именно в момент приобретения правового статуса формируется правосубъектность и лицо приобретает способность вступать в отраслевые отношения. Однако данное утверждение является верным только в том случае, если лицо, приобретая правовой статус субъекта права, одновременно получает и право-, и дееспособность. При отсутствии одной из способностей правосубъектность не возникает.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Исходя из вышесказанного, при исследовании института правосубъектности следует учитывать двойственное значение категорий «субъект права» и «правовой статус», по-разному проявляющихся в сфере правового регулирования (нормативно-правовой уровень) и в сфере правоприменительной деятельности (эмпирический уровень).

На нормативно-правовом уровне исследования в качестве субъекта права выступает абстрактное, обобщенное (не персонифицированное) лицо, наделенное определенными правами и обязанностями для потенциального участия в отраслевых правоотношениях и обладающее в связи с этим признаками, достаточными для его идентификации в правовом пространстве. Это так называемый абстрактный субъект права, наличие которого признается в теории права: «любой субъект права есть лишь мыслимое, представляемое отражение реальности в идеальной знаковой системе – праве» [26, с. 18].

Наделение абстрактного субъекта права определенным объемом прав и обязанностей позволяет говорить о присущих ему свойствах правоспособности и дееспособности, которые также имеют абстрактный характер, так как не связаны с индивидуально-определенным лицом. Для абстрактного субъекта права наличие у него правоспособности и дееспособности презюмируется независимо от момента и последовательности их приобретения, однако их гипотетическая совокупность не может вызвать правосубъектность, так как отсутствует индивидуально-определенный субъект права.

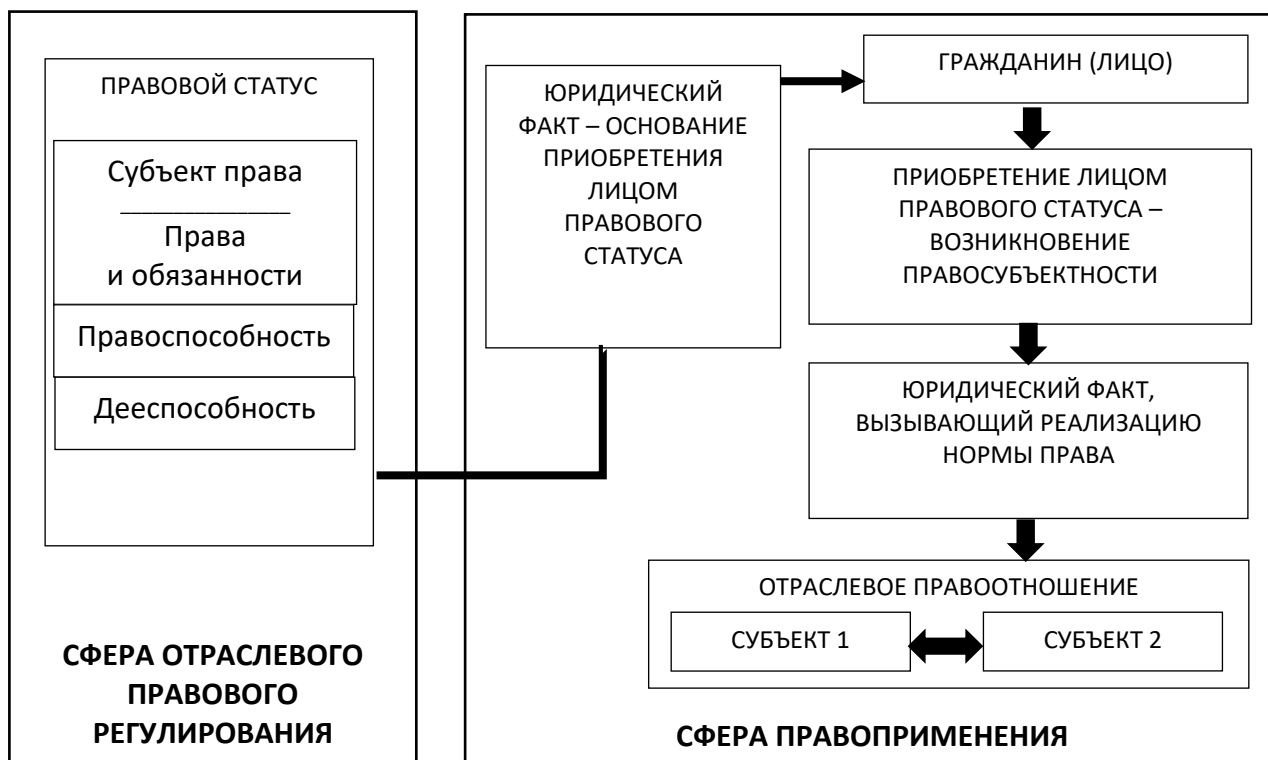


Рис. 1. Процесс формирования правосубъектности лица

В уголовно-процессуальном праве абстрактные субъекты права также присутствуют, но отождествляются с понятием «участники судопроизводства», что не свойственно другим отраслям права. Не все ученые согласны с таким подходом. Так, отмечается, что «не каждое лицо, считающееся участником процессуальных действий, является субъектом уголовно-процессуального права» [27, с. 46], и в качестве аргумента указывается на отсутствие правоспособности у отдельных участников процессуальных действий, таких как заявитель, законный представитель несовершеннолетнего пострадавшего, физические и юридические лица, обязанные исполнять обращенные к ним требования должностных лиц и т. д. Комментируя данное высказывание, полагаем отметить следующее.

Во-первых, синонимичность терминов «субъекты права» и «участники уголовного судопроизводства» обусловлена попыткой законодателя систематизировать во втором разделе УПК РФ всех лиц, участвующих в том или ином качестве в уголовно-процессуальных отношениях. Допущенные при этом погрешности, вызванные невнимательностью к отдельным лицам, не включенным во второй раздел УПК РФ, не означают, что данные субъекты не связаны с уголовно-процессуальным правом. Их упоминание в тексте закона, предоставление им отдельных прав или обязанностей, включение в механизм уголовно-процессуального регулирования означает, что есть все основания рассматривать данных лиц в качестве субъектов уголовно-процессуального права, так как любой из них потенциально способен стать участником отношений, урегулированных нормами УПК РФ. Такой подход дает право утверждать обратное:

понятие субъектов уголовно-процессуального права шире понятия участников судопроизводства, включенных во второй раздел УПК РФ.

Во-вторых, речь идет не столько о совпадении или несовпадении рассматриваемых терминов, сколько о дефектности законодательства, допускающего «лишь чрезмерно лаконичные предписания» в регламентации участников, не указанных во втором разделе УПК РФ, либо их полное отсутствие [27, с. 46]. Следует сказать, что данное замечание распространяется не только на «внесистемных» участников судопроизводства. Аналогичная ситуация наблюдается в регулировании участников судопроизводства, включенных во второй раздел УПК РФ, таких как прокурор или государственный обвинитель. Следовательно, проблема субъектов уголовно-процессуального права заключается не столько в определении соотношения субъектов права и участников судопроизводства, сколько в отсутствии должного правового регулирования института субъектов данной отрасли права в целом.

Следовательно, осуществляя правовое регулирование процессуальных отношений с участием тех или иных субъектов, законодатель придает им обобщенный, абстрактный характер, закрепляя в нормах права юридически важные характеристики, свойства, в том числе определяющие содержание их право- и дееспособности. И только когда появляется основание для реализации правового статуса и возникает правоотношение, абстрактный образ субъекта права (участника судопроизводства) проецируется на индивидуально-определенного субъекта, который, приобретая соответствующий правовой статус, получает тем самым правосубъектность.

В этом проявляется второй, эмпирический аспект понимания субъекта права, обусловленный фактом получения конкретным лицом статуса субъекта права (участника судопроизводства) и формирования его правосубъектности. Приобретая правовой статус, лицо становится персонифицированным субъектом права (участником судопроизводства), обладающим определенным набором прав и обязанностей для участия в отраслевых правоотношениях, т. е. становится правосубъектным. В этом смысле «персонифицированный субъект права» и «правосубъектное лицо» – тождественные юридические понятия, использование которых ограничивается сферой правоприменения.

Следует отметить, что наличие у лица правосубъектности еще не позволяет рассматривать его в качестве субъекта правоотношения, несмотря на то что в обоих случаях речь идет о персонифицированных лицах. Приобретение способности вступать в правоотношения и участие в правоотношениях – разные юридические действия. Первоначально лицо должно приобрести правосубъектность, т. е. получить правовой статус субъекта права, и лишь затем, при наличии оснований для возникновения правоотношений, вступает в них в качестве субъекта правоотношения.

Аналогичная двойственность наблюдается в понимании правового статуса. В нормативно-правовом выражении правовой статус характеризует абстрактного субъекта права и включает в себя следующие обязательные элементы: 1) наименование и основные признаки субъекта права; 2) обстоятельства, при которых субъект возникает (появляется); 3) обстоятельства, при которых субъект прекращает свое существование; 4) перечень юридических прав и обязанностей субъекта права и порядок их реализации.

В правоприменительной сфере правовой статус рассматривается применительно к конкретному индивидуально-определенному лицу, которое в результате установленной законом процедуры приобретения статуса становится субъектом права (участником судопроизводства) и приобретает правосубъектность, позволяющую ему в дальнейшем участвовать в отраслевых правоотношениях.

Чтобы избежать многозначности и семантической неопределенности рассматриваемых категорий предлагаем использовать следующие дефиниции:

– субъект уголовно-процессуального права – это обозначенное в нормах уголовно-процессуального права обобщенное, абстрактное лицо, наделенное процессуальной право- и дееспособностью;

– правовой статус – это абстрактное нормативно-правовое образование, в котором в единое целое интегрированы субъект права, его правоспособность и дееспособность, а также присущие субъекту юридические права и обязанности;

– процессуальная правосубъектность – это юридическое свойство индивидуально-определенного, персонифицированного субъекта уголовно-процессуального права (участника судопроизводства), формируемое в порядке приобретения им правового статуса и свидетельствующее о его готовности участвовать в процессуальных правоотношениях;

– субъект уголовно-процессуального правоотношения – это правосубъектное лицо, участвующее в процессуальном правоотношении в определенном правовом статусе.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Проанализировав представленные мнения и оценив имеющуюся аргументацию, приходим к следующим выводам: выделение в теории права общей правосубъектности не имеет под собой оснований, правосубъектность существует в рамках определенной отрасли права, она всегда отраслевая. Как юридическое свойство правосубъектность формируется в процессе правоприменительной деятельности у индивидуально-определенного субъекта в результате получения им определенного правового статуса. Содержание и пределы правосубъектности обусловлены нормативно-правовой моделью правового статуса абстрактного субъекта права.

Исходя из полученных результатов, можно дать следующее определение уголовно-процессуальной правосубъектности: это свойство индивидуально-определенного участника судопроизводства, которое формируется у него в процессе приобретения процессуального статуса и обеспечивает ему легальную возможность участия в уголовно-процессуальных правоотношениях. Юридическая природа правосубъектности обусловлена нормативно-правовым регулированием правового статуса субъекта права, его юридических прав и обязанностей, право- и дееспособности, в то время как реализация правосубъектности всегда происходит в порядке правоприменительной деятельности.

Чем полнее и качественнее нормативно-правовое оформление субъектов уголовно-процессуального права, их процессуальных прав и обязанностей, право- и дееспособности, тем отчетливее проявляется правосубъектность индивидуально-определенных субъектов уголовно-процессуального права (участников судопроизводства). Полное либо частичное отождествление категорий правосубъектности, право- и дееспособности, субъекта права, правового статуса и субъекта правоотношения недопустимо, так как приводит к смещению фокуса исследования с нормативной организации права в плоскость правоприменения, нивелируя существующие между ними принципиальные различия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М.: Госюриздат, 1962. 213 с.
2. Шибанов А.Ф. Советское социалистическое общественное право. М.: Университет Дружбы народов, 1963. 100 с.
3. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 351 с.
4. Матузов Н.И. Субъективные права граждан СССР. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1966. 190 с.
5. Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву. Л.: Ленинградский университет, 1957. С. 21–64.

6. Диваев А.В. Уголовно-процессуальная правосубъектность // Законодательство и практика. 2021. № 1. С. 29–33. EDN: [LUNZWW](#).
7. Табельский С.В. Некоторые проблемы правосубъектности в административно-процессуальных отношениях // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 3. С. 56–61. DOI: [10.31429/20785836-13-3-56-61](#).
8. Эмих В.В. Правосубъектность и компетенция государственных органов: содержание понятий и их соотношение // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. № 9. С. 423–432. EDN: [MTWECZ](#).
9. Зусь Л.Б. Об уголовно-процессуальной правосубъектности // Правоведение. 1975. № 5. С. 49–54.
10. Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж: Воронежский университет, 1971. 160 с.
11. Ростова В.Н. Правосубъектность участников уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2019. № 3. С. 49–53. EDN: [VFQSYF](#).
12. Тарасов А.А. Должностное лицо как субъект уголовно-процессуальных отношений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 106–112. EDN: [KRBOCR](#).
13. Антонович Е.К. Правосубъектность свидетеля в уголовном судопроизводстве: миф или реальность? // Российский следователь. 2019. № 12. С. 24–27. EDN: [CWOBLO](#).
14. Артеменков В.К. К вопросу о признании прокуратуры Российской Федерации государственным органом в контексте проблемы наличия у нее правосубъектности // Законность. 2022. № 7. С. 3–7. EDN: [LVMYIF](#).
15. Красавчиков О.А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Категории науки гражданского права: избранные труды. В 2-х т. Т. 2. М.: Статут, 2005. С. 26–48. EDN: [XHEFKM](#).
16. Кузнецов С.В., Хасимова Л.Н. Институт правосубъектности в общей теории права: основные подходы и взгляды // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 35–38. EDN: [QAGRYL](#).
17. Пятков Д.В. Формирование правосубъектности предпринимателя // Журнал российского права. 2006. № 1. С. 85–97. EDN: [OOTZTD](#).
18. Афанасьев С.Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 3. С. 12–31. EDN: [FJAOGM](#).
19. Поскачина М.Н. Отношение понятий «субъект права» и «трансцендентальный субъект» в теории права // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 5–9. EDN: [YXHTFC](#).
20. Алексеев С.С. Общая теория права. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 568 с.
21. Шершеневич Г.Ф. Избранное: в 6 т. Т. 4. М.: Статут, 2016. 752 с.
22. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. В 2-х т. Т. 2. М.: Велби, 2016. 670 с.
23. Проблемы теории права и правореализации / под ред. Л.Т. Бакулина. М.: Статут, 2017. 384 с.
24. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Саратовский университет, 1987. 294 с.
25. Строгович М.С. Сущность прав личности. Ее правовой статус // Права личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1981. С. 23–30.
26. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Очерк 1. Физическое лицо как субъект российского гражданского права: в поисках понятия // Физические лица как субъекты российского гражданского права. М.: Статут, 2022. С. 10–24.
27. Бахта А.С. О соотношении понятий «участники уголовного судопроизводства» и «субъекты уголовно-процессуального права» // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 12. С. 45–46. EDN: [KUVWTR](#).

REFERENCES

1. Mitskevich A.V. *Subekty sovetskogo prava* [Subjects of Soviet law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1962. 213 p.
2. Shebanov A.F. *Sovetskoe sotsialisticheskoe obshchenarodnoe pravo* [Soviet People's Socialist Law]. Moscow, Universitet Druzhyby narodov Publ., 1963. 100 p.
3. Khalfina R.O. *Obshchee uchenie o pravootnoshenii* [General teaching on legal relations]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 351 p.
4. Matuzov N.I. *Subektivnye prava grazhdan SSSR* [Subjective rights of citizens of the USSR]. Saratov, Privolzhskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1966. 190 p.
5. Ioffe O.S. Debatable issues of legal relation doctrine. *Ocherki po grazhdanskomu pravu*. Leningrad, Leningradskiy universitet Publ., 1957, pp. 21–64.
6. Divaev A.V. Criminal procedure and legal personality: concept and content. *Zakonodatelstvo i praktika*, 2021, no. 1, pp. 29–33. EDN: [LUNZWW](#).
7. Tabelskiy S.V. Some problems of legal personality in administrative procedural legal relations. *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 3, pp. 56–61. DOI: [10.31429/20785836-13-3-56-61](#).
8. Emikh V.V. Legal personality and competence of the state bodies: content of the terms and their correlation. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2009, no. 9, pp. 423–432. EDN: [MTWECZ](#).
9. Zus L.B. Concerning criminal procedural legal personality. *Pravovedenie*, 1975, no. 5, pp. 49–54.
10. Kokorev L.D. *Uchastniki pravosudiya po ugovolnym delam* [Participants of Justice on Criminal Cases]. Voronezh, Voronezhskiy universitet Publ., 1971. 160 p.
11. Rostova V.N. Legal standing of participants of criminal proceedings at the stage of instigation of a criminal case. *Zakonost*, 2019, no. 3, pp. 49–53. EDN: [VFQSYF](#).
12. Tarasov A.A. An official as a subject of criminal procedural legal relationships. *Vestnik Ufmskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 4, pp. 106–112. EDN: [KRBOCR](#).
13. Antonovich E.K. Legal capacity of a witness in criminal proceedings: a myth or reality? *Rossiyskiy sledovatel*, 2019, no. 12, pp. 24–27. EDN: [CWOBLO](#).
14. Artemenkov V.K. To the question of recognition of the prosecution service of the Russian Federation as a state body in the context of the problem of its

- possessing legal personality. *Zakonnost*, 2022, no. 7, pp. 3–7. EDN: [LVMYIF](#).
15. Krasavchikov O.A. Civil capacity as a legal form. *Kategorii nauki grazhdanskogo prava: izbrannye trudy*. Moscow, Statut Publ., 2005. Vol. 2, pp. 26–48. EDN: [XHEFKM](#).
 16. Kuznetsov S.V., Khasimova L.N. The institute of legal personality in the general theory of law: basic approaches and views. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*, 2013, no. 2, pp. 35–38. EDN: [QAGRYL](#).
 17. Pyatkov D.V. The formation of legal personality of an entrepreneur. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2006, no. 1, pp. 85–97. EDN: [OOTZTD](#).
 18. Afanasev S.F. On the problem of substantive and procedural legal personality of artificial intelligence. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 12–31. EDN: [FJAOGM](#).
 19. Poskachina M.N. Correlation of the notions of the subject of law and the transcendental subject in the theory of law. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2018, no. 1, pp. 5–9. EDN: [YXHTEC](#).
 20. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Izd. 2-e, pererab. i dop. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 568 p.
 21. Shershenevich G.F. *Izbrannoe* [Selected]. Moscow, Statut Publ., 2016. Vol. 4, 752 p.
 22. Marchenko M.N. *Problemy obshchey teorii gosudarstva i prava* [The problems of general theory of law and state]. Moscow, Velbi Publ., 2016. Vol. 2, 670 p.
 23. Bakulin L.T., ed. *Problemy teorii prava i pravorealizatsii* [The problems of theory of law and enforcement]. Moscow, Statut Publ., 2017. 384 p.
 24. Matuzov N.I. *Pravovaya sistema i lichnost* [Legal system and personality]. Saratov, Saratovskiy universitet Publ., 1987. 294 p.
 25. Strogovich M.S. The essence of personality rights. Its legal status. *Prava lichnosti v sotsialisticheskoy obshchestve*. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 23–30.
 26. Kozlova N.V., Filippova S.Yu. Essay 1. Physical person as a subject of Russian civil law: searching for the concept. *Fizicheskie litsa kak subekty rossiyskogo grazhdanskogo prava*. Moscow, Statut Publ., 2022, pp. 10–24.
 27. Bakhta A.S. Concerning the correlation of the concepts “criminal court procedure participants” and “criminal procedure subject”. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2008, no. 12, pp. 45–46. EDN: [KUVWTR](#).

Criminal procedural legal personality: the concept, legal nature, and the process of formation

© 2023

Kristina A. Zaburdaeva, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”*Togliatti State University, Togliatti (Russia)*E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ruORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8770-1173>

Abstract: Despite the existence of a sufficient number of scientific papers on the issues of legal personality, it is prematurely to consider this term developed and understandable, first of all, due to the lack of a scientifically based theoretical concept of legal personality. Based on the analysis of the doctrinal and legal definition of legal personality, the author shows the identified contradictions in the generally accepted understanding of this category, the essence of which is the lack of consistency with the established legal terms – a legal subject, legal status, legal capability, and legal capacity to act. Resolving the identified contradictions, the author comes to the conclusion about the exclusively branch-specific meaning of legal personality, justifying the illogicality of using the term “general legal personality”, and within the theoretical and legal analysis of criminal procedural legal personality, shows the existing relations and dependences between legal personality and legal categories that are close in content – a legal subject and a subject of legal relations, legal status, legal capability, and legal capacity to act. Using a systematic approach in the study of criminal procedural legal personality, the author step by step reveals the process of formation of legal personality, limiting the sphere of its application to law enforcement. Based on the results of the study, the author substantiates the necessity of distinguishing between the concepts of procedural legal personality, a legal subject, legal status, and a subject of legal relations, proposes the author’s definitions of these terms. An understanding of procedural legal personality as a legal property of a specified court procedure participant arising as a result of acquiring the status of a legal subject is formulated. In understanding a criminal procedure subject, the author substantiates two aspects: regulatory and law enforcement. In the regulatory aspect, a legal subject is a generalized, abstract person vested with procedural legal capability and legal capacity to act; in the law enforcement sphere, a legal subject acts as a specified person with procedural legal personality.

Keywords: legal personality; criminal procedural legal personality; criminal procedure subject; court procedure participants; legal status; legal capability; legal capacity to act.

For citation: Zaburdaeva K.A. Criminal procedural legal personality: the concept, legal nature, and the process of formation. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 1, pp. 5–12. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-1-5-12.

Конституционная реформа как вектор развития государства в современном мире (на примере России, Беларуси и Казахстана)

© 2023

Никитин Андрей Геннадьевич¹, кандидат юридических наук, доцент,
декан юридического факультета

Виноградова Анастасия Юрьевна², студент

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, Казань (Россия)

*E-mail: anikitin@ieml.ru

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7007-605X>

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-5191>

Аннотация: В статье проведен сравнительно-правовой анализ конституционных реформ 2020–2022 гг. в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республике Казахстан. Рассмотрены преобразования Конституций России, Беларуси и Казахстана через выявление общего и особенного в конституционном строительстве вышеназванных государств, исходя из следующих критериев: цель конституционной реформы; совершенствование института главы государства; совершенствование системы сдержек и противовесов; реформирование судебной ветви власти; развитие социально-культурной политики государства. Авторы пришли к выводу о схожести конституционно-правового развития в рассматриваемых государствах. Особое внимание уделяется принципу разделения властей, в рамках которого поправки к основным законам закрепляют дополнительные гарантии по защите и сохранению непрерывности государственно-правового развития государств, их суверенитетов, в частности, путем закрепления предварительного нормоконтроля на уровне Конституционных Судов. Кроме того, исследован вопрос о сохранении стабильности власти в государствах: в России и Беларуси – путем закрепления дополнительных гарантий статуса главы государства, выступающих в качестве «фильтров», а в Казахстане – путем решения вопроса президентского дуумвирата. Отдельно исследованы социально-культурные конституционные поправки в России и Беларуси, выступающие в качестве гарантий стабильного социально-экономического развития государств. По мнению авторов, данные поправки наполняют понятие «социальное государство» новым смыслом и позволяют закрепить новые задачи, поставленные перед государством и обществом на следующие десятилетия.

Ключевые слова: конституция; конституционная реформа 2020–2022 гг.; изменения конституции; поправки к конституции; конституционные институты; глава государства; органы государственной власти.

Для цитирования: Никитин А.Г., Виноградова А.Ю. Конституционная реформа как вектор развития государства в современном мире (на примере России, Беларуси и Казахстана) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 1. С. 13–21. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-1-13-21.

ВВЕДЕНИЕ

С 2020 по 2022 г. проведены конституционные реформы в Российской Федерации (РФ), Республике Беларусь (РБ) и Республике Казахстан (РК). Изменения были обусловлены необходимостью укрепления государственной власти, стабильности социально-экономического развития на фоне иностранной интервенции в форме проведения цветных революций и грубого вмешательства в суверенитет государств. Как известно, конституция не статичный феномен. Ее постоянное развитие является ответом на изменение современных реалий и социальные изменения в обществе [1]. Возникает необходимость на конституционном уровне закрепить дополнительные гарантии развития государства и общества, а также социально-культурные ценности. Для этого используется ряд правовых форм и процедур, в качестве одной из которых выступает конституционная реформа.

Отметим, что в российском законодательстве отсутствует как таковое легальное понятие «конституционная реформа». В российской и зарубежной правовой доктрине также не сложилось единого понимания данной категории. Так, ряд авторов рассматривают конституционную реформу как дополнение, замену конституции или же более глубокие процессы изменения, происходящие

в обществе или в правлении [2]. В свою очередь, автор [3] раскрывает понятие «конституционная реформа» через термин «реформа», тем самым предполагая определенное реформирование, изменение либо самой конституции, либо ее текста. Иного понимания придерживается автор [4], определяя конституционную реформу через ее признаки: «Конституционная реформа – это единовременный и продолжительный процесс по преобразованию конституционного текста, который характеризуется изменениями фундаментальных основ государства и общества, целеполаганием, достаточным ресурсным обеспечением и определенными юридическими и фактическими результатами» [4, с. 109].

В научной литературе выделяются два основных подхода к характеристике внесения изменений в конституцию. Во-первых, конституция, в том числе и поправка к ней, позволяет гражданам закреплять в форме высшего закона свои убеждения. Во-вторых, конституционные поправки преследуют своей целью усовершенствование и укрепление существующего конституционного порядка, а не его разрушение [5].

Одним из важнейших показателей конституционной реформы выступают ее направления. Именно они являются маркером, позволяющим выделить приоритетные сферы реформирования. Исходя из этого, предлагаем

рассмотреть конституционные реформы указанных стран по следующим критериям:

- цель конституционной реформы в России, Беларуси и Казахстане;
- совершенствование института Президента;
- совершенствование системы сдержек и противовесов;
- реформирование судебной ветви власти;
- развитие социально-культурной политики государств.

Цель исследования – проведение сравнительно-правового анализа конституционных реформ Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан 2020–2022 гг. как вектора развития государства.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в несколько этапов:

1) выявление и формирование целей рассматриваемых конституционных реформ;

2) рассмотрение поправок в отношении института Президента; в рамках этого этапа сделан вывод о закреплении роли главы государства в качестве центрального координатора власти в России, Беларуси и Казахстане;

3) исследование изменений в рамках системы сдержек и противовесов, в пределах которой был проанализирован вопрос о сохранении баланса между ветвями власти на фоне значительного изменения правового статуса Президента;

4) проведение правового анализа поправок в Конституцию относительно судебной ветви власти в части усиления конституционного контроля и защиты правового суверенитета государств;

5) рассмотрение изменений, внесенных конституционными реформами в социально-культурную политику России и Беларуси.

Основными материалами исследования послужили Конституции Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан, в том числе отдельные законодательные акты вышеназванных государств, а также парадигмы конституционной реформы и иные подходы к анализу конституционных реформ России, Беларуси и Казахстана, представленные в научной литературе. В частности, важную роль в проведении исследования сыграл метод сравнительно-правового анализа при сопоставлении принятых в 2020–2022 гг. поправок к Конституциям России, Беларуси и Казахстана, в рамках которого выявлены сходства и отличия рассматриваемых конституционных реформ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель конституционной реформы в России, Беларуси и Казахстане

Проводя правовой анализ конституционной реформы, для дальнейшей объективной оценки ее эффективности, несомненно, в первую очередь необходимо установить, в чем состояла цель данной реформы. Должны быть действительно весомые основания, позволяющие говорить о необходимости проведения любой конституционной реформы. Помимо этого, конституционная реформа должна быть направлена на развитие

и укрепление как государственности, так и гражданского общества. В противном случае проведение конституционной реформы может не только иметь нейтральный характер, не приведя к каким-либо значительным изменениям в государственном устройстве, но и привести к негативным последствиям, став фактором дестабилизации внутривластной обстановки в государстве [6].

Говоря о конституционной реформе Российской Федерации, 15 января 2020 г. в послании Федеральному Собранию президент подчеркнул необходимость «обеспечения большего баланса между ветвями власти»¹. Исходя из анализа поправок к Конституции РФ, мы также приходим к выводу, что одной из ключевых задач реформы является создание взаимодополняющих друг друга ветвей власти, тем самым – создание институционального государственного аппарата.

В свою очередь, в таких государствах, как Республика Беларусь и Республика Казахстан, необходимость проведения конституционной реформы была обусловлена структурными изменениями в обществе, а также внутренней и внешней политикой государства. Так, президент РК в своем послании к народу Казахстана 16 марта 2022 г. указал на необходимость взять новый курс в государственном строительстве на построение «Нового Казахстана»². В первую очередь изменения коснулись именно формы государственного правления. Был обозначен переход от суперпрезидентской к президентской форме правления с сильным парламентом.

Отметим также, что Конституции РФ³, РБ⁴ и РК⁵ принимались более четверти века назад в условиях политического и социально-экономического кризисов, что, несомненно, отразилось на разработке их проектов [7; 8]. Однако в рамках современных реалий сформировалась иная мировая тенденция, направленная на укрепление национальной государственности, что также наложило свой отпечаток на необходимость проведения конституционно-правового реформирования.

Вместе с тем необходимо понимать, что, несмотря на вышеперечисленные причины проведения конституционных реформ в России, Беларуси и Казахстане, главным основанием для проведения любой конституционной реформы всегда является наличие соответствующего общественного запроса. Именно он выступает в качестве «пропускного механизма», позволяющего проводить масштабные и значимые правовые преобразования [9].

¹ Послание Президента Федеральному Собранию 15.01.2020 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>.

² Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана 16.03.2022 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953>.

³ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием от 12.12.1993: ред. от 04.10.2022 // Российская газета. 1993. № 237.

⁴ Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 № 2875-XII: ред. от 27.02.2022 // Народная газета. 1996. № 298.

⁵ Конституция Республики Казахстан. Принята на республиканском референдуме от 30.08.1995: ред. от 17.07.2022 // Казахстанская правда. 1995. № 4. Ст. 217.

Совершенствование института Президента

Проанализировав конституционные реформы РФ, РБ и РК, мы можем сказать, что по своему правовому содержанию они в первую очередь направлены на совершенствование и усиление системы сдержек и противовесов. В частности, большая часть из них касается изменения статуса и роли главы государства [10]. Отметим, что ввиду первоочередности проведения конституционной реформы в России, она стала неким образцом для последующих реформ в Беларуси и Казахстане. Именно поэтому мы можем наблюдать определенное пересечение поправок в ряде вопросов, в том числе касающихся института Президента.

В России и Беларуси в рамках конституционных реформ были повышены существовавшие и введены новые цензы, предъявляемые к кандидатам на пост Президента. Так, был повышен ценз проживания на территории страны (в РФ – с 10 до 25 лет, в РБ – с 10 до 20 лет). Введено новое требование относительно отсутствия вида на жительство или иного документа, разрешающего постоянное проживание за границей, а применительно к РБ также дающего право на различного рода льготы и преимущества (ст. 80; «карта поляка»). Отметим, что в РФ кандидатам запрещено и размещение денежных средств за рубежом. При этом данное условие вместе с требованием об отсутствии иностранного гражданства распространяется и на иных высших должностных лиц, в частности на депутатов Государственной Думы РФ, федеральных министров, судей, глав регионов и т. д. По нашему мнению, это выступает в качестве фактора «национализации элиты» и формирования патриотической элиты. В РБ, помимо перечисленного, был увеличен возрастной ценз для кандидата на пост Президента – с 35 до 40 лет. Таким образом, конституционные реформы закрепили механизмы, препятствующие узурпации власти ввиду наличия у главы государства гарантий отсутствия возможных политико-экономических связей с представителями иностранного государства.

Совершенно иная ситуация сложилась в Казахстане. Помимо корректировки президентских полномочий, реформа главным образом была направлена на ликвидацию сложившегося президентского дуумвирата. Часть важнейших государственных полномочий, связанных с безопасностью страны, осталась в управлении бывшего президента Н.А. Назарбаева при действующем президенте К.-Ж.К. Токаеве. Однако отметим, что начало деятельности по прекращению дуумвирата было заложено еще до принятия поправок. Так, в ноябре 2021 г. пост председателя правящей партии «Нур Отан» был передан экс-президентом К.-Ж.К. Токаеву, а в апреле того же года им был оставлен и пост председателя Ассамблеи народа Казахстана. В связи с начавшимися акциями протеста Н.А. Назарбаев также ушел с пожизненного поста председателя Совета безопасности Казахстана, о чем 5 января 2022 г. заявил К.-Ж.К. Токаев в своем обращении к нации⁶, заняв данный пост.

⁶ Обращение Главы государства Касым-Жомарта Токаева к народу Казахстана 05.01.2022 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/obrashchenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-k-narodu-kazakhstan-503036>.

В рамках уже самой конституционной реформы в РК был упразднен титул Елбасы (лидера нации), который принадлежал первому Президенту РК и закреплял значительные личностные привилегии. Например, была исключена норма относительно права близких родственников Президента занимать какие-либо государственные должности и руководящие посты в квазигосударственном секторе. Таким образом, конституционная реформа в РК завершила процесс ликвидации президентского дуумвирата, оформив ее в правовой плоскости и закрепив за действующим Президентом РК всю полноту власти в ключевых государственных структурах.

Завершая анализ реформ по данному блоку, отметим, что поправки в России, Беларуси и Казахстане, на первый взгляд, имеют совершенно два различных направления: совершенствование статуса Президента и ликвидация президентского дуумвирата. Однако в их основе лежит одна и та же проблема – сохранение стабильности власти в стране как одна из ключевых проблем государственного устройства в современном мире. В России и Беларуси поправки закрепили гарантии, препятствующие возможной дестабилизации власти. В Казахстане же в результате конституционной реформы был решен давно назревший вопрос фактического двоевластия в стране.

Совершенствование системы сдержек и противовесов

Система сдержек и противовесов – один из элементов принципа разделения властей, являющийся основополагающим в построении демократии. Доктрина принципа системы сдержек и противовесов предполагает независимость ветвей власти друг от друга при имеющейся возможности взаимодействовать и воздействовать друг на друга. Конституционные реформы рассматриваемых стран вносят значительные изменения в рамках рассматриваемого принципа.

В частности, конституционная реформа РФ закрепила значительные изменения в отношении расширения и конкретизации полномочий всех ветвей власти относительно друг друга. Так, поправки усилили роль обеих палат Федерального Собрания РФ. Совету Федерации были переданы полномочия по проведению консультаций с Президентом по назначению лиц на высшие должности силового блока (министры обороны, внутренних дел и т. д.) и контрольно-ревизионных представительств (Генеральный прокурор, его заместитель и т. д.). В отношении Государственной Думы РФ были расширены полномочия по утверждению и освобождению по представлению Президента кандидатур Председателя Правительства РФ, его заместителей и федеральных министров, чем была обеспечена гарантия реализации подотчетности Правительства РФ Парламенту, а также расширены возможности парламентского контроля в рамках процесса назначения на высшие должности государства [11].

Значительным образом были изменены и полномочия Президента РФ. Так, формирование силового блока государства изъято из полномочий Государственной Думы и Правительства и стало исключительной компетенцией Президента. По нашему мнению, подобное распределение полномочий при непрекращающихся

вызовах и угрозах со стороны недружественных стран⁷ позволяет поддерживать военизированные силы в состоянии готовности для осуществления оперативного ответа и закрепляет новый механизм по усилению фактора подотчетности Правительства Президенту.

Усиление роли Президента прослеживается и при формировании Совета Федерации РФ [12]. Если изначально в состав органа входило пропорциональное количество представителей законодательной и исполнительной властей, то в 2014 г. была введена «президентская квота», закрепившая право Президента по назначению 10 % (17 сенаторов) от их общего числа. В рамках конституционной реформы данная квота была увеличена до 30 сенаторов, при этом дополнительно введен статус пожизненных сенаторов за особые заслуги перед страной, присваиваемый в том числе и прекратившему свои полномочия Президенту. Считаем, что подобный механизм формирования Совета Федерации РФ позволит повысить эффективность его работы и создать баланс федеральных (30 сенаторов) и региональных властей (150 сенаторов). Вместе с тем Президент РФ получил полномочия по осуществлению общего руководства Правительством с расширением его ответственности перед ним. Были усилены полномочия и в сфере судебной власти путем прекращения полномочий Председателя и судей Конституционного Суда РФ Советом Федерации по представлению Президента⁸.

Конституционная реформа РБ, наоборот, весьма значительно сократила часть полномочий Президента, распределив их между другими ветвями власти. Так, Президент имеет право лишь предлагать с согласия Совета Республики кандидатуры на высшие посты государства: Председателей и судей Конституционного Суда РБ, Верховного Суда РБ, Генерального прокурора, членов ЦИК РБ и Правления Национального банка, Председателя комитета Государственного контроля. Непосредственное назначение Президентом сохраняет лишь в отношении судей судов общей юрисдикции.

Вышеперечисленные полномочия были закреплены за новым конституционным органом – Всебелорусским народным собранием (далее – ВНС РБ). Кроме того, ВНС РБ получило полномочия по смещению Президента с должности на основании заключения Конституционного Суда РБ вследствие нарушения Конституции, по определению внутренней и внешней политики страны, военной доктрины, концепции национальной безопасности. Однако самым главным полномочием ВНС РБ стала возможность осуществления иных полномочий, не указанных в Конституции или законе⁹, необхо-

димых для реализации закрепленных конституционных функций. Полагаем, что это дает достаточно широкое пространство для осуществления государственного управления при отсутствии каких-либо ограничений.

Необходимо обратить внимание на состав и способ формирования данного органа. Конституция обозначает ВНС РБ как «высший представительный орган народо-властия», призванный укреплять взаимосвязь государства и общества. Однако он формируется не посредством выборов, а включает в себя представителей уже сформированной властной вертикали во главе с самим Президентом РБ, общей численностью в 1200 членов. Делегатами ВНС РБ являются представители всех ветвей власти, местных Советов депутатов, гражданского общества, и, что наиболее примечательно, в состав также входит прекративший свои полномочия Президент. Это позволяет ныне действующему Президенту даже после прекращения полномочий не утрачивать членства в ВНС РБ и сохранять свою немаловажную роль в управлении государством. Проведя правовой анализ поправок по ВНС РБ, мы можем заключить, что данный орган, по своей сути, объединяет в своем составе все государственные структуры и является достаточно обширным конституционным органом, вбирающим в себя функции различных властных структур (Генеральный прокурор, Глава МВД и т. д.).

Рассматривая конституционную реформу в Казахстане, мы также можем отметить значительное сокращение полномочий Президента в рамках системы сдержек и противовесов на фоне значительного усиления статуса Парламента. Данные поправки, в частности, обусловлены новым взятым курсом в политике государства. Во многом это проявляется в вопросах формирования высших государственных органов. Так, назначение Президентом высших должностных лиц государства: Председателей Конституционного Суда РК, Высшего Судебного Совета РК, Национального Банка, Комитета национальной безопасности Республики и Генерального прокурора – возможно только при непосредственном одобрении кандидатуры Парламентом. Единоличное назначение Президентом сохраняется лишь в отношении депутатов Сената в сокращенном объеме (10 вместо 15, причем половина из них предлагается Ассамблеей народа Казахстана) и судей Конституционного Суда (4 из 11 судей). Была исключена норма, закреплявшая право экс-президента на пожизненное членство в Конституционном Совете.

В противовес этому за Парламентом закрепляется решающая роль в формировании Конституционного Суда РК (6 из 11 судей), Центральной избирательной комиссии РК (4 из 6 членов), и Высшей аудиторской палаты (бывшей Счетной Палаты) (6 из 17 членов), в том числе была закреплена подотчетность последней Парламенту. Было упразднено право Президента на отмену или приостановление действия актов Правительства и Премьер-министра, что значительно усиливает самостоятельность и ответственность Правительства [13]. Стоит отметить, что в условиях коронавирусной ситуации были также выявлены недостатки нормотворческого процесса. В результате Парламенту было предоставлено исключительное право в законотворческой сфере. Так, при рассмотрении законопроектов Правительства, внесенных в целях реагирования

⁷ Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р: ред. от 29.10.2022 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1748.

⁸ О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ: ред. от 01.07.2021 // Российская газета. 1994. № 138-139.

⁹ О Всебелорусском народном собрании: закон Республики Беларусь от 07.02.2023 № 248-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2023. № 2/2968.

на условия, создающие угрозу жизни и здоровью населения, основам конституционного строя, безопасности страны, Парламент имеет право издания по ним нормативно-правовых актов под свою ответственность [14].

Таким образом, конституционные реформы внесли значительные изменения в перераспределение полномочий между ветвями власти рассматриваемых государств. Наблюдаются диаметрально противоположные подходы к реформированию принципа разделения властей. С одной стороны, в России, казалось бы, произошло усиление роли главы государства и его влияния на все ветви власти на фоне расширения его полномочий [15], с другой стороны, в Беларуси и Казахстане – ослабление роли Президента на фоне значительного усиления влияния законодательных, исполнительных и судебных органов власти. Однако, на наш взгляд, вследствие принятых поправок, во всех рассматриваемых государствах в целях создания стабильности государственного аппарата за главами государств была закреплена роль центрального координатора власти. Это позволяет в полной мере реализовывать принцип разделения властей, обеспечивая при этом единство и устойчивость системы государственной власти и сохранность основ конституционного строя.

Реформирование судебной ветви власти

Поправки не обошли стороной и судебную ветвь власти. Так, в ходе конституционной реформы в РФ была видоизменена судебная система в целом, упразднены конституционные (уставные) суды субъектов (ч. 3 ст. 118). Отдельно внесены коррективы в механизм смены судей Верховного и Конституционного Судов: по представлению Президента Совет Федерации РФ может отпустить судью от должности в случае совершения «проступков, порочащих честь и достоинство судьи».

Кардинальные изменения коснулись Конституционного Суда РФ, состав которого был сокращен с 19 до 11 судей. По нашему мнению, подобная поправка продиктована практикой последних лет. Как известно, состав судей назначался последний раз около 12 лет назад, при этом к моменту принятия поправок их число снизилось до 15. Как показало время, Конституционный Суд РФ может эффективно осуществлять свои полномочия и выполнять поставленные задачи в усеченном составе. Сокращение состава также обусловлено расширением полномочий Секретариата Конституционного Суда РФ, благодаря чему отсеивается большая часть обращений из-за их несоответствия, например, компетенции Конституционного Суда РФ и т. д. Вследствие этого значительно сократилось количество обращений, доходящих до стадии рассмотрения Конституционным Судом РФ, что позволяет намного снизить нагрузку на судей.

Ст. 125 Конституции, в свою очередь, закрепляет полномочие Конституционного Суда РФ по представлению Президента, Правительства или Верховного Суда РФ принимать решение о неисполнении решений межгосударственных органов, основанных на международных договорах РФ, в случае если их положения противоречат Конституции РФ. Данное полномочие распространяется и в отношении обязанностей, наложенных на РФ иностранными, международными судами (арбитражами) при их противоречивости основам

публичного порядка РФ. Таким образом, были закреплены механизмы защиты от посягательств на национальные интересы, а также на правовой суверенитет государства. Конституционные поправки также предусматривали новые механизмы мониторинга эффективности законотворчества. Так, Конституционный Суд РФ получил право по запросу главы государства проводить проверки на конституционность проектов ФКЗ и ФЗ, а также еще не подписанных Президентом законов и законов субъектов РФ до их обнародования. Это позволит Конституционному Суду РФ предотвращать появление в законодательстве неконституционных актов, выявляя их еще до вступления в юридическую силу.

Что касается Конституционного Суда РБ, то он получил полномочия по толкованию Конституции (до поправок таким правом обладал Парламент), осуществлению по предложению Президента проверок на конституционность дополнений и изменений в Конституции, а также, подобно РФ, право предварительного нормоконтроля. Таким образом, конституционному судопроизводству в Беларуси придан особый государственно-правовой статус.

В Республике Казахстан в рамках конституционной реформы был восстановлен Конституционный Суд, причем в увеличенном составе – 11 судей, по примеру российского Конституционного Суда. В то же время необходимо отметить, что в большей степени Конституционный Суд создавался взамен Конституционного Совета. Поэтому стоит обратить внимание на расширение круга субъектов, имеющих право на обращение с конституционным запросом. Так, помимо Генерального прокурора и уполномоченного по правам человека, в данный перечень были включены граждане. Данная поправка, на наш взгляд, значительно расширяет потенциал Суда как правозащитного и осуществляющего конституционный контроль органа. По аналогии с РФ за Конституционным Судом Казахстана также были закреплены право толкования Конституции, проверки нормативных правовых актов, международных договоров РК на соответствие Конституции, в том числе право осуществления предварительного нормоконтроля.

Важной новеллой для всех трех рассматриваемых конституционных реформ является закрепление права осуществления предварительного нормоконтроля Конституционных Судов в рамках их полномочий. Таким образом, были закреплены дополнительные гарантии, предотвращающие деструктивное влияние на национально-правовые системы государств. Более того, предварительный нормоконтроль позволяет избежать нарушения конституционно-правовых норм, отмены нормативно-правовых актов, тем самым сохранить авторитет законодателя и обеспечить стабильность правового поля [16].

Развитие социально-культурной политики государств

В связи с активной пропагандой среди несовершеннолетних нетрадиционных ценностей со стороны недружественных стран¹⁰ и аффилированных ими организаций,

¹⁰ Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.08.2022 № 1700-Р.

а также повсеместными попытками переписать историю, особое внимание при проведении конституционных реформ в России и Беларуси было уделено защите традиционных ценностей. Кроме того, конституционные реформы затронули и социально-экономическую сферу. Был закреплен целый ряд поправок, наполняющих новым смыслом конституционные положения о том, что Российская Федерация и Республика Беларусь – это социальные государства.

В частности, в Конституции РФ был закреплен комплекс мер, направленный как на повышение благополучия каждого гражданина (ст. 75.1), так и на защиту социально незащищенных слоев населения (повышение МРОТ до прожиточного минимума, закрепление регулярной индексации социальных выплат и т. д.). Однако, несмотря на то, что данные поправки «наполнили понятие "социальное государство" реальными нормами», как выразился депутат ГД РФ А.К. Исаев¹¹, мы считаем, что они должны получить дальнейшее осмысление уже в отдельных отраслях законодательства, закрепив дополнительные гарантии, в особенности в отношении ст. 75.1 Конституции.

В Беларуси поправки закрепили особую заботу в отношении социально незащищенных категорий граждан: инвалидов и пожилых людей (ст. 47), а также немаловажное право граждан на обжалование решений, действий (бездействий) государственных органов и должностных лиц в суде (ст. 60).

Если говорить о социально-культурных гарантиях, в Конституции были внесены поправки, закрепляющие гарантии защиты исторической правды (признание РФ исторически сложившимся государственным единством и объявление правопреемником СССР; ст. 15, 54 Конституции РБ), института семьи (обозначение брака как союза мужчины и женщины; ст. 32 Конституции РБ, ст. 72 Конституции РФ), а также нравственных норм и идеалов, сложившихся на протяжении совместной тысячелетней истории. В качестве дополнительных гарантий в Конституции Беларуси было закреплено право граждан на сохранение национальной самобытности (Преамбула), а также долг граждан по проявлению патриотизма (ст. 54) и гражданской ответственности (ст. 21).

Вместе с тем стоит отметить, что РФ вышла за рамки конституционных норм, усилив государственную политику в отношении защиты традиционных ценностей. Так, в ноябре 2022 г. был принят Указ Президента «Об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», направленный на «сбереже-

ние народа России и его идентичности, а также на защиту российского общества от распространения деструктивной идеологии»¹².

Стоит отметить, что в связи с продолжительной активной дискриминацией русского народа как на постсоветском пространстве (страны Прибалтики (паспорт негражданина для русскоязычных), Украина), так и в западных странах (Польша), в РФ наметилась необходимость укрепления единства нации. Так, в Конституции РФ был закреплен тезис о государствообразующей роли русского народа. Согласно истории нашей страны, русский народ всегда выступал в роли объединяющего народа, как, например, при создании Русского государства. При этом он всегда составлял подавляющую часть населения страны. Так, например, согласно Всероссийской переписи населения 2020 г., 71,7 % населения России составляет именно русский народ¹³. Все это позволяет говорить о том, что русский народ является системообразующим ядром нашей страны, объединяющим историю, традиции и культуру многочисленных народов России.

Таким образом, в результате конституционных реформ в России и Беларуси начался новый виток в понимании и развитии социального государства. В Конституциях нашли свое отражение социально-экономические, государственно-правовые, а также социально-культурные и духовные ценности российского [17] и белорусского народа. В частности, в рамках закрепления указанных ценностей наблюдается тенденция к формированию национальной и государственной идентичности в России и Беларуси [18]. Были значительно расширены рамки взаимодействия общества и государства, регулирования социальных отношений [19]. Это позволит развивать идею социального государства как в социальной, так и в экономической и правовой сферах [20]. В отношении культурной политики был закреплен целый ряд новых механизмов, направленных на защиту и укрепление традиционных ценностей, а также на усиление взаимосвязи общества и государства.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В ходе проведения сравнительно-правового анализа конституционных реформ в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республике Казахстан 2020–2022 гг. авторами был выявлен ряд тенденций, характерных для всех трех реформ. Во-первых, прослеживается усиление полномочий и власти Президента, при этом формирование государственной структуры в ходе реформ осуществляется таким образом, что Президент выступает в качестве главного координатора власти в стране. Во-вторых, несмотря на укрепление власти

Федерации от 05.03.2022 № 430-р; ред. от 29.10.2022 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1748.

О перечне иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении белорусских юридических и (или) физических лиц: постановление Совета министров Республики Беларусь от 06.04.2022 № 209 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2022. № 5/50116.

¹¹ Андрей Исаев: Поправки в Конституцию наполнили понятие «социальное государство» реальными нормами // Единая Россия. URL: <https://er.ru/activity/news/andrei-isaev-popravki-v-konstituciyu-napolnili-ponyatie-socialnoe-gosudarstvo-realnymi-normami>.

¹² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=603502873&rdk=&firstDoc=1&lastDoc=1>.

¹³ Всероссийская перепись населения 2020 года. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul.

Президента, все же основной упор конституционные реформы делают на расширение полномочий законодательных и исполнительных органов государства. На наш взгляд, это позволяет эффективно скорректировать систему сдержек и противовесов, не допустив перекоса в одну из сторон, и создать баланс ветвей власти. В-третьих, наблюдается тенденция к усилению конституционного контроля и повышению эффективности законотворческого процесса, а также к защите правового суверенитета государств путем создания Конституционного Суда (Казахстан) и расширения его полномочий как органа конституционного контроля. В-четвертых, значительный акцент в рамках конституционных реформ в России и Беларуси сделан на формирование национальной идентичности в рамках закрепления положений, характерных исключительно для русского и белорусского народов [17].

Однако, говоря об эффективности конституционной реформы, необходимо проанализировать: были ли достигнуты по итогам поставленные перед реформами задачи? Исходя из того, что главной задачей любой конституционной реформы является выполнение соответствующего запроса общества [9], конституционные реформы рассматриваемых стран в полной мере смогли удовлетворить данный запрос, что подтверждается результатами голосования¹⁴ и референдумов¹⁵ по принятию поправок. Помимо этого, одной из ключевых задач реформы в России являлось создание баланса ветвей власти. Данная задача, исходя из проведенного нами анализа, была в полной мере выполнена. В Казахстане и Беларуси ключевыми факторами проведения реформ, как уже отмечалось ранее, стали структурные изменения в обществе, а также во внутренней и внешней политике государств. Так, конституционная реформа в Казахстане смогла заложить фундамент для дальнейших преобразований государства и построения «Нового Казахстана». В Беларуси реформа смогла нивелировать произошедшие общественные изменения и закрепить дополнительные гарантии защиты государственности и национальных интересов. Это позволяет нам говорить о действительной эффективности и необходимости проведенных в России, Беларуси и Казахстане конституционных реформ.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Таким образом, проведенные конституционные реформы в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республике Казахстан во многом позволяют предотвратить негативное влияние со стороны недружественных государств на различные внутригосударственные и внутриполитические процессы, происходящие в названных государствах, защитить их национальные ин-

тересы и сохранить суверенитет. Однако отметим, что конституция является программным документом, поэтому она должна содержать в себе реальные задачи, поставленные перед государством и обществом на продолжительный срок. Рассматривая конституционные реформы через призму такого понимания конституции, мы приходим к выводу, что реформы смогли закрепить не только эффективные гарантии по защите стабильности власти, но и ряд направлений по развитию и укреплению государственного устройства, социально-культурной политики, а также государственно-общественных взаимоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабриева Т.Я. Парадигмы конституционной реформы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 5. С. 820–830. DOI: [10.12737/16129](https://doi.org/10.12737/16129).
2. Брандт М., Коттрелл Д., Гай Я., Реган Э. Разработка и реформа конституции: выбор процесса. Киев: Interpeace, 2011. 396 с.
3. Авакьян С.А. Практика конституционных реформ: некоторые проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2011. № 1. С. 21–38. EDN: [NXNPF](https://www.edn.ru/10.12737/16129).
4. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире. М.: ИНФРА-М, 2021. 308 с.
5. Weinrib J. The Principles of Constitutional Reform // Kantian Review. 2019. Vol. 24. № 4. P. 631–651.
6. Груднин Н.С. Развитие российской государственности в контексте конституционной реформы 2020 года // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 44–46. DOI: [10.24412/2414-3995-2021-4-44-46](https://doi.org/10.24412/2414-3995-2021-4-44-46).
7. Василевич Г.А., Чудаков М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (история и современность) // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2017. № 2. С. 106–121. EDN: [WCUYPD](https://www.edn.ru/10.12737/16129).
8. Авакьян С.А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 7–33. DOI: [10.18384/2310-6794-2020-3-7-33](https://doi.org/10.18384/2310-6794-2020-3-7-33).
9. Клишас А.А. Конституционные реформы на современном этапе правового развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 1. С. 133–136. DOI: [10.12737/18197](https://doi.org/10.12737/18197).
10. Василевич Г.А., Василевич С.Г. Модернизация Конституций Российской Федерации и Республики Беларусь как отражение динамики общественного развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. Т. 18. № 2. С. 5–12. DOI: [10.12737/jflcl.2022.019](https://doi.org/10.12737/jflcl.2022.019).
11. Цыреторов А.И. Конституционная реформа в России: теоретико-правовой анализ // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 4. С. 50–61. DOI: [10.24412/2312-3184-2021-4-50-61](https://doi.org/10.24412/2312-3184-2021-4-50-61).
12. Боброва Н.А. Конституционная реформа-2020 как полигон инноваций // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 134–139. EDN: [UVIUCX](https://www.edn.ru/10.12737/16129).

¹⁴ Итоги сессии Государственной Думы: как вносились поправки в Конституцию // Государственная Дума Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/49164/>.

¹⁵ Республиканский референдум 27 февраля 2022 года // Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь. URL: <https://rec.gov.by/ru/referendum-2022-ru>.

Об итогах голосования на республиканском референдуме 5 июня 2022 года // Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/news/acts/index.php?ID=7120>.

13. Рогов И.И. Конституционные реформы в Казахстане и России: сравнительный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 24–29. DOI: [10.12737/jfcl.2021.005](https://doi.org/10.12737/jfcl.2021.005).
14. Сарпеков Р.К. Конституционная реформа как основной пункт перезапуска политической системы Казахстана // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2022. № 2. С. 13–21. DOI: [10.52026/2788-5291_2021_69_2_13](https://doi.org/10.52026/2788-5291_2021_69_2_13).
15. Агаджанов А.А., Танаева З.Р. Конституционная реформа и некоторые изменения статуса Конституционного Суда РФ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 21. № 4. С. 85–89. DOI: [10.14529/law210413](https://doi.org/10.14529/law210413).
16. Комарова В.В. Конституционная реформа 2020 года в России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 45–49. DOI: [10.17803/1994-1471.2020.117.8.022-031](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.117.8.022-031).
17. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 5. С. 403–414. DOI: [10.31857/S0869587320050035](https://doi.org/10.31857/S0869587320050035).
18. Руденко В.В. Российская конституционная реформа 2020 года: трансформация системы ценностей // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 4. С. 71–83. DOI: [10.35231/18136230_2020_4_71](https://doi.org/10.35231/18136230_2020_4_71).
19. Саудаханов М.В. Развитие облика социального государства в свете поправок к Конституции Российской Федерации, принятых в 2020 году // Закон и право. 2021. № 4. С. 19–22. DOI: [10.24412/2073-3313-2021-4-19-22](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-4-19-22).
20. Курданова М.Х. Конституционные основы социального государства в контексте конституционной реформы 2020 года // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 5. С. 21–32. DOI: [10.17803/1994-1471.2022.138.5.021-032](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.021-032).
7. Vasilevich G.A., Chudakov M.F. Constitutional process in Belarus (history and the present). *Izvestiya Natsionalnoy akademii nauk Belarusi. Seriya gumanitarnykh nauk*, 2017, no. 2, pp. 106–121. EDN: [WCUYPD](https://doi.org/10.18384/2310-6794-2020-3-7-33).
8. Avakyan S.A. The 2020 constitutional reform and Russian parliamentarism: reality, decisions, expectations. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*, 2020, no. 3, pp. 7–33. DOI: [10.18384/2310-6794-2020-3-7-33](https://doi.org/10.18384/2310-6794-2020-3-7-33).
9. Klishas A.A. Constitutional reforms at the present stage of legal development. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2016, no. 1, pp. 133–136. DOI: [10.12737/18197](https://doi.org/10.12737/18197).
10. Vasilevich G.A., Vasilevich S.G. Modernization of Constitutions of the Russian Federation and the Republic of Belarus as a Reflection of Social Development Dynamics. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2022, vol. 18, no. 2, pp. 5–12. DOI: [10.12737/jfcl.2022.019](https://doi.org/10.12737/jfcl.2022.019).
11. Tsyretorov A.I. Constitutional reform in Russia: theoretical and legal analysis. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii*, 2021, no. 4, pp. 50–61. DOI: [10.24412/2312-3184-2021-4-50-61](https://doi.org/10.24412/2312-3184-2021-4-50-61).
12. Bobrova N.A. Constitutional reform 2020 as a testing ground for innovation. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2021, no. 15, pp. 134–139. EDN: [UVIUCX](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.138.5.021-032).
13. Rogov I.I. Constitutional Reforms in Kazakhstan and Russia: A Comparative Analysis. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2021, vol. 17, no. 1, pp. 24–29. DOI: [10.12737/jfcl.2021.005](https://doi.org/10.12737/jfcl.2021.005).
14. Sarpekov R.K. Constitutional reform as the main point of restarting the political system of Kazakhstan. *Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan*, 2022, no. 2, pp. 13–21. DOI: [10.52026/2788-5291_2021_69_2_13](https://doi.org/10.52026/2788-5291_2021_69_2_13).
15. Agadzhanov A.A., Tanaeva Z.R. Constitutional reform and some changes in the status of the constitutional court of the RF. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 85–89. DOI: [10.14529/law210413](https://doi.org/10.14529/law210413).
16. Komarova V.V. Constitutional Reform 2020 in Russia (Selected Issues). *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2020, no. 8, pp. 45–49. DOI: [10.17803/1994-1471.2020.117.8.022-031](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.117.8.022-031).
17. Khabrieva T.Ya. Constitutional reform in Russia: in search of national identity. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2020, vol. 90, no. 5, pp. 403–414. DOI: [10.31857/S0869587320050035](https://doi.org/10.31857/S0869587320050035).
18. Rudenko V.V. The 2020 Russian constitutional reform: transformation of the values system. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2020, no. 4, pp. 71–83. DOI: [10.35231/18136230_2020_4_71](https://doi.org/10.35231/18136230_2020_4_71).
19. Saudakhanov M.V. Development of Russia as a social state in the light of the amendments to the Constitution of the Russian Federation adopted in 2020. *Zakon i pravo*, 2021, no. 4, pp. 19–22. DOI: [10.24412/2073-3313-2021-4-19-22](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-4-19-22).
20. Kurdanova M.Kh. Constitutional Foundations of the Welfare State in the Context of the 2020 Constitutional Reform. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2022, vol. 17, no. 5, pp. 21–32. DOI: [10.17803/1994-1471.2022.138.5.021-032](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.021-032).

REFERENCES

1. Khabrieva T.Ya. Paradigms of constitutional reform. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2015, no. 5, pp. 820–830. DOI: [10.12737/16129](https://doi.org/10.12737/16129).
2. Brandt M., Kottrell D., Gay Ya., Regan E. *Razrabotka i reforma konstitutsii: vybor protsessa* [Development and reform of the constitution: the choice of process]. Kiev, Interpeace Publ., 2011. 396 p.
3. Avakyan S.A. Practice of constitutional reform: certain problems. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, 2011, no. 1, pp. 21–38. EDN: [NXNPF](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.138.5.021-032).
4. Khabrieva T.Ya. *Konstitutsionnaya reforma v sovremenom mire* [Constitutional reform in the modern world]. Moscow, INFRA-M Publ., 2021. 308 p.
5. Weinrib J. The Principles of Constitutional Reform. *Kantian Review*, 2019, vol. 24, no. 4, pp. 631–651.
6. Grudin N.S. Development of Russian statehood in the context of the 2020 constitutional reform. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2021, no. 4, pp. 44–46. DOI: [10.24412/2414-3995-2021-4-44-46](https://doi.org/10.24412/2414-3995-2021-4-44-46).

Constitutional reform as a vector of national development in the modern world (in the context of Russia, Belarus, and Kazakhstan)

© 2023

*Andrey G. Nikitin**¹, PhD (Law), Associate Professor, Dean of the Faculty of Law
*Anastasia Yu. Vinogradova*², student

V.G. Timiryasov Kazan Innovative University, Kazan (Russia)

*E-mail: anikitin@ieml.ru

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7007-605X>

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-5191>

Abstract: The research provides a comparative legal analysis of the constitutional reforms that took place from 2020 till 2022 in the Russian Federation, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan. The paper formulates the author's assessments and conclusions, a look at the transformations of the Constitutions of Russia, Belarus and Kazakhstan through the identification of the common and specific aspects in the constitutional arrangement of these states based on the following criteria: the purpose of the constitutional reform; improvement of the institution of the executive head of the nation; improvement of the system of checks and balances; the judiciary reforming; development of the social and cultural policy of the government. As a result of the study, the authors come to the conclusion that constitutional and legal development in the abovementioned states is similar. Particular attention is paid to the principle of separation of powers, under which amendments to the fundamental laws establish additional guarantees that protect and preserve the continuous state-legal development of the countries, their sovereignty, in particular, by securing preliminary normative control at the level of the Constitutional Courts. In addition, the issue of maintaining the stability of power in these states has been studied: by securing additional guarantees, acting as "filters", for the status of the executive head of the nation in Russia and Belarus, and by resolving the issue of the presidential duumvirate in Kazakhstan. The authors also focus on socio-cultural amendments in the Constitutions of Russia and Belarus, which act as guarantees for the sustainable social and economic development of the countries. According to the authors, these amendments expand the concept of the "welfare state" and allow setting new tasks for the government and society for the next decades.

Keywords: constitution; constitutional reform of 2020–2022; constitutional amendments; constitutional changes; constitutional institutions; executive head of the nation; government authorities.

For citation: Nikitin A.G., Vinogradova A.Yu. Constitutional reform as a vector of national development in the modern world (in the context of Russia, Belarus, and Kazakhstan). *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 1, pp. 13–21. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-1-13-21.

Концепция государственного суверенитета в современный период

© 2023

Пяткин Валерий Николаевич, старший преподаватель
кафедры государственного и административного права

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва, Саранск (Россия)*

E-mail: speranzo2@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6038-3504>

Аннотация: Понимание, развитие и значение государственного суверенитета в международных и внутригосударственных отношениях – постоянная и актуальнейшая тема научных исследований. Однако в последние годы в зарубежной и российской науке укрепляется тенденция, направленная на дезавуирование концепции суверенитета как неотчуждаемой, неделимой и неограниченной власти государства, что приводит не только к научным спорам, но и к возрастанию напряженности на межгосударственном (международном) уровне. Вышесказанное определило цель работы: научное обоснование суверенитета как наиважнейшей, непоколебимой характеристики и основного признака государства, а также формирование концепции, в соответствии с которой государственный суверенитет необходимо рассматривать как политико-правовую аксиому, направленную на создание современного безопасного миропорядка. Сложившееся за несколько веков понимание государственного суверенитета включает в себя способность государства формировать и реализовывать самостоятельную, независимую и целостную внешнюю и внутреннюю политику, что означает верховенство государства во внутренней и внешней политике. Однако имеются существенные разногласия в понимании природы, объема, механизма реализации и иных факторов формирования и развития государственного суверенитета. В работе предпринята попытка осмыслить плюрализм взглядов на понятие «государственный суверенитет», выявить последствия искусственного снижения авторитета концепции государственного суверенитета, предложено обоснование недопустимости его дезавуирования. Автор приходит к выводу, что концепция государственного суверенитета действительно является важнейшим свойством любого государства и практически не зависит от влияния внешних факторов, т. е. суверенитет государства не может быть ограничен, так как это противоречит, прежде всего, его сущности, а принижение, призывы к отмене государственного суверенитета – опаснейшая тенденция, значительно повышающая уровень напряженности в мире. Государственный суверенитет – это символ, идейная основа мирового порядка и существования любого государства.

Ключевые слова: независимость государства; верховенство государства; суверенитет; государственный суверенитет; концепция государственного суверенитета.

Для цитирования: Пяткин В.Н. Концепция государственного суверенитета в современный период // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 1. С. 23–32. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-1-23-32.

ВВЕДЕНИЕ

Формирование, сущность и перспективы развития государственного суверенитета являются актуальной и дискуссионной сферой юридической науки, а в современных условиях интерес к исследованию государственного суверенитета существенно повысился в связи с неоднозначной трактовкой последнего под воздействием глобализационных и иных международных и внутригосударственных процессов. К сожалению, идея государственного суверенитета не имеет концептуальной завершенности, что способствует как теоретическим, так и практическим инсинуациям по отношению к данному феномену. Соответственно, необходимо усилить работу, направленную на теоретическое обоснование дальнейшего существования государственного суверенитета.

До сих пор по теме государственного суверенитета практически ежегодно защищаются кандидатские и докторские диссертации, из чего можно сделать вывод о наличии связанных с данным понятием актуальных и проблемных вопросов, требующих глубокого научного

осмысления. Анализ отдельных диссертационных работ подтвердил правильность избранной методики и направления исследования, изложенного в данной статье.

Можно выделить ряд основных проблем в сфере государственного суверенитета, на которые обращают внимание современные диссертанты. Так, суверенитет государства рассматривается не только как политико-правовое явление, но и как глобальное международное явление. В то же время суверенитет является необходимым политическим признаком государства, что означает единство государственной власти, подтверждаемое с помощью юридических форм (законов), при этом в глобальном мире суверенитет находится под угрозой размывания, изменения и даже, по сути, уничтожения¹.

Отдельное внимание уделяется вопросам формирования целостной научной концепции информационно-правового обеспечения государственного суверенитета

¹ Серов Е.А. Понятие и особенности суверенитета государства в его историческом генезисе: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. 355 с.

в информационном пространстве, отмечается усиление суверенизации правового регулирования информационных отношений, которая заключается в развитии преимущественно государственного регулирования². Автор другой диссертации, в отличие от исследователей, которые в своих работах фактически не выходят из рамок сложившейся исторической и внешнеполитической мысли, проводит анализ государственного суверенитета через рассмотрение влияния глобализации на суверенитет; соотношение права наций на самоопределение и суверенитета; соотношение суверенитета и гуманитарных интервенций и т. п.³

В современных научных публикациях особый интерес у исследователей вызывает проблема взаимосвязи государственного суверенитета и глобализации, причем в публикациях предлагаются порой прямо противоположные точки зрения. Например, некоторые авторы полагают, что глобализация создает конкретные предпосылки для признания и существования России как суверенного субъекта⁴. Другие авторы отмечают негативное влияние процесса глобализации на государственный суверенитет^{5,6}. Так, к негативным последствиям глобализации относят угрозу современному миропорядку, выражающуюся в тенденции «размывания» суверенитета национальных государств, его трансформации и возможной утраты главной роли в определении судеб отдельных стран в будущем [1]. Соответственно, в научной среде стал популярным тезис об угрозе размывания присущих государству функций в результате глобализационных процессов [2].

Актуальным направлением современных исследований является рассмотрение государственного суверенитета в отдельных сферах развития общества и государства. Так, довольно продуктивно идет процесс изучения взаимодействия информационного-технологического пространства и суверенитета государства. Совершенно справедливо подчеркивается, что в национальном сегменте сети Интернет необходимо отстаивать суверенное право государства определять информационную, технологическую и экономическую политику [3]. Указывается, что в условиях развития цифровых технологий недостаточно использовать традиционные подходы к реализации государственного суверенитета посредством правового регулирования общественных отношений (в том числе на международно-правовом уровне

в рамках международных договоров или документов международных организаций), так как в современную эпоху значительно возросло значение технического регулирования, в частности стандартизации указанных технологий [4]. Отмечается, что искусственный интеллект, интернет вещей, большие данные, технологии распределенного реестра (блокчейн), виртуальная/дополненная реальность, облачные вычисления и многое другое стали неотъемлемым элементом современного общества и требуют от государства проведения мероприятий цифровой трансформации, без которой эффективное взаимодействие между цифровой реальностью и государством как суверенным субъектом просто невозможно. Для того чтобы обезопасить себя от негативных эффектов цифровизации, в том числе для сохранения суверенитета в современном мире, необходимо поставить цифровые технологии «на службу государства» в целях общего блага [5].

Автор [6] предлагает обратить внимание на то, что государственный суверенитет стал рассматриваться в качестве прикладного понятия, а его значение поставлено в зависимость от геополитической, экономической, военно-политической и иной конъюнктуры; указывает на возможность принудительного ограничения суверенитета государства без санкции на это как самого государства, так и всего мирового сообщества хотя бы в лице Организации Объединенных Наций. В [7] указывается на проблему исчезновения понятия государственного суверенитета, которое становится менее юридически строгим, вследствие чего государства находятся в состоянии поиска национальной самоидентичности, что способствует обострению проблем на международной арене.

Конечно, указанными направлениями исследования проблем государственного суверенитета не ограничиваются. Интенсивность и объем проводимых научных исследований в данной сфере указывают на непрекращающиеся попытки найти оптимальное объяснение сущности государственного суверенитета. Однако, чем глубже мы погружаемся в проблему обоснования существования и развития государственного суверенитета, тем больше видим определенные недостатки в направлениях исследования данного феномена. К ним можно отнести:

- понимание государственного суверенитета только на основе двух «классических» элементов – независимости государства на международной арене и верховенства государства во внутренних делах, без учета современных политико-правовых, социально-экономических и иных реалий жизнедеятельности государств и мирового сообщества в целом;

- тенденция к принижению значимости суверенитета государства, предложения о необходимости ликвидации категории «государственный суверенитет», основанные на алогичных, ошибочных умозаключениях (в частности, уравнивающих категории «государство» и «государственная власть», отождествляющих оспаривание концепции легитимного господства с оспариваемостью концепции суверенитета и т. д.);

- исследование суверенитета государства как только юридического или только политического феномена, неприятие понимания суверенитета государства как комплексной категории;

- наличие концепции, допускающей возможность ограничения государственного суверенитета.

² Ефремов А.А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации : дис. ... д-р юрид. наук. М., 2021. 418 с.

³ Катков А.Д. Эволюция концепции суверенитета государства во внешнеполитической мысли США (конец XX – начало XXI века) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2022. 304 с.

⁴ Тонков Е.Е., Макогон Б.В., Пожарова Л.А. Государственный суверенитет в период правовой глобализации // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2021. Т. 46. № 1. С. 163–169. С. 167. DOI: [10.52575/2712-746X-2021-46-1-163-169](https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-1-163-169).

⁵ Кротов А.В. Риск утраты государственного суверенитета в условиях современного мироустройства: глобализация и право // *Юридическая техника*. 2019. № 13. С. 199–205.

⁶ Арзамаскин Н.Н., Смирнов С.В. Некоторые аспекты эволюции концепции государственного суверенитета в условиях глобализации // *Правовое государство: теория и практика*. 2019. № 1. С. 13–17.

Научные публикации, указывающие на данные недостатки, несмотря на логичность и обоснованность таких попыток, не оказали достаточного влияния на сложившуюся ситуацию с пониманием государственного суверенитета. Данная статья направлена на поддержание точки зрения, что государственный суверенитет ни в коем случае нельзя принижать, ограничивать, отрицать, ликвидировать и т. д.

Цель исследования – предложить научное обоснование суверенитета как наиважнейшей, непоколебимой характеристики и основного признака государства, способствовать формированию концепции, в соответствии с которой государственный суверенитет необходимо рассматривать как политико-правовую аксиому, направленную на создание современного и безопасного миропорядка.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в несколько этапов.

1. Проведен анализ отдельных дефиниций государственного суверенитета, предложенных отечественными и зарубежными авторами, для определения уровня развития идей государственного суверенитета.

2. Выявлены основные проблемы понимания государственного суверенитета и отдельные недочеты в политологических и юридических исследованиях государственного суверенитета, приводящие к ошибочным результатам.

3. Указано на несостоятельность нападок со стороны отдельных отечественных и зарубежных исследователей на государственный суверенитет как на утративший свои позиции либо вообще бесполезный институт и на необходимость возвращения этой концепции должного авторитета на внутригосударственном и международном уровне.

4. На основе проведенного исследования предложено авторское понятие государственного суверенитета.

На всех этапах исследования проводился анализ научных публикаций, в том числе публикаций в зарубежных изданиях.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понимание государственного суверенитета в отечественной науке

Многие авторы до сих пор определяют государственный суверенитет как независимость государства во внешних отношениях и его верховенство в отношениях внутренних (с некоторыми вариациями). Но в современный период развития науки все чаще предпринимаются попытки к более детальному и многоаспектному рассмотрению этого понятия, что приводит к появлению довольно объемного многоуровневого определения государственного суверенитета, хотя «классические» параметры дефиниции «суверенитет государства» до сих пор довольно широко используется в науке. Однако до настоящего времени отсутствует универсальное понимание суверенитета, которое было бы принято всеми специалистами в этой области [8].

Так, по одному из определений суверенитет означает высшую, независимую правовую власть, принадле-

жащую только государству⁷. В другой работе суверенитет понимается как необходимое свойство государственной власти, выражающее ее независимость извне и верховенство внутри⁸. Существует и иная позиция, утверждающая, что власть каждого государства обусловлена извне – международными отношениями, условиями организации союзных государств, а изнутри зависит от разнообразных общений, «из которых она сама складывается»⁹.

Согласно другому определению государственный суверенитет – это присущее государству верховенство на своей территории и независимость в международных отношениях¹⁰. В другой работе предложено понимание суверенитета, основанное на классической формуле «верховенство государства в пределах его границ и независимость на международной арене»¹¹.

Суверенитет государства – свойство государственной власти, при котором эта власть является самостоятельной и независимой от всякой другой государственной власти в осуществлении своих функций как внутри страны, так и во взаимоотношениях с другими государствами¹².

Близко к классической теории понимания суверенитета государства находится точка зрения, в соответствии с которой суверенитет государства понимается как его верховенство, самостоятельность и независимость от других органов, организаций и учреждений гражданского общества либо других государств. Страна, не обладающая суверенитетом, является колонией, частью другого суверенного государства¹³.

В то же время развиваются точки зрения, которые в той или иной мере отличаются от строго классического понимания государственного суверенитета.

Так, интересной особенностью понимания суверенитета государства, как направленной на обеспечение собственного развития и противостояние любому давлению извне системы внутривнутриполитических и внешнеполитических возможностей и способностей государства [9], является указание на возможность противостояния внешним угрозам, а не только констатация внешнеполитической деятельности.

В отдельных определениях государственного суверенитета основной уклон делается на его международный характер. Он выражается в фиксированности института суверенитета в международном праве, что является основой для самостоятельного правотворчества

⁷ Палиенко Н.И. Суверенитет: Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1903. 567 с. С. 438.

⁸ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Часть теоретическая. Философия права. Т. 1: Вып. 1-4. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910. 839 с. С. 215.

⁹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 354 с. С. 293.

¹⁰ Тункин Г.И. Основы современного международного права. М.: [б. и.], 1956. 48 с. С. 15.

¹¹ Черниченко С.В. Теория международного права: в 2-х томах. Т. 2: Старые и новые теоретические проблемы. М.: НИИП, 1999. 525 с. С. 26.

¹² Лепешкин А.И. Советский федерализм (теория и практика). М.: Юридическая литература, 1977. 319 с. С. 46.

¹³ Сырых В.М. Теория государства и права. М.: Юстицинформ, 2007. 703 с. С. 21.

и возможности применения актов правотворчества государством при непосредственном участии граждан как субъектов правотворческой и правоприменительной деятельности¹⁴.

Суверенитет – комплексная категория, признак государства, состоящий из совокупности факторов, выражаемых в публичном характере государственной власти; в высшей юридической силе властных предписаний, исходящих от государства; в гарантированности и санкционированности государственных властных предписаний; в общеобязательности и обеспеченности системой юридических гарантий и мер юридической ответственности, что в совокупности определяет суверенитет как важнейшее условие жизнедеятельности государства¹⁵.

В юридической литературе предлагается рассматривать суверенитет государства в виде совокупности трех элементов¹⁶. Основой данной трактовки выступают этапы развития идеи суверенитета, во временных рамках каждого из которых формировался соответствующий элемент суверенитета. К таким элементам относятся:

1) суверен – особая инстанция политико-правового характера, формирующая правопорядок на определенной территории и реализующая на данной территории и вне этой территории (во внешних связях с иными суверенами) властные функции;

2) свойство суверенности – совокупность необходимых качеств, позволяющих обозначенной выше инстанции быть сувереном;

3) суверенитет как политико-правовой принцип, действие которого направлено на поддержку существования суверенов и сосуществование суверенов друг с другом за счет наличия специфических институтов и процедур.

В другой работе предлагается выделять четыре основных концепции государственного суверенитета, каждая из которых имеет те или иные недостатки.

1. Формальная (юридическая) концепция, в соответствии с которой суверенитет – это, в частности, способность государства устанавливать правовой порядок на своей территории, т. е. определенная совокупность юридических возможностей государства. Суверенитет для государства не требует подтверждения его реализации, по сути это аксиома.

2. Реалистическая концепция основана на необходимости подтверждения независимой и полновластной деятельности государства, что не предполагает наличие суверенитета у абсолютно всех государств.

3. Синтетическая концепция предполагает совмещение двух названных выше концепций.

4. Нигилистическая (негативная) концепция отрицает как реальную жизнеспособность суверенитета государства, так и возможность стройного теоретического обоснования рассматриваемой концепции, называя ее заблуждением или вымыслом [10].

Рассмотрение лишь нескольких дефиниций, сформулированных отечественными учеными, позволяет подтвердить тезис, что в науке не выработан единый подход к пониманию государственного суверенитета, и многие авторы до сих пор являются сторонниками классического понимания суверенитета государства, не обращая внимания на существенно изменившиеся политические, экономические, культурные, географические и т. п. факторы.

Государственный суверенитет в зарубежной научной мысли

В иностранной юридической науке также предлагается целый спектр определений государственного суверенитета. Приведем некоторые существующие точки зрения по исследуемому вопросу.

Так, существует определение суверенитета в виде связки следующих шести элементов:

1) управление независимым государством со стороны верховной, абсолютной и неподконтрольной власти;

2) высшая политическая власть;

3) высший контроль над конституцией, структурой правительства и его администрацией;

4) самодостаточный источник политической власти с вытекающими конкретными политическими полномочиями;

5) международная независимость государства в сочетании с правом и полномочиями регулировать свои внутренние дела без иностранной диктовки;

6) суверенное и независимое политическое общество или государство¹⁷.

Под суверенными государствами здесь понимаются государства, подданные или граждане которых привыкли ему повиноваться и которые сами не подчиняются никаким другим государствам в любых отношениях. В отношениях между нациями такие государства занимают позицию полной независимости от других и могут совершать все те действия, которые возможно совершить любому государству в этой конкретной сфере. Эти государства обладают всей полнотой самоуправления, то есть независимостью от всех других государств в том, что касается их собственной территории и граждан, не проживающих за границей. Никакая иностранная держава или закон не могут иметь над ними контроль, кроме как по соглашению. Эта способность к независимым действиям во внешних и внутренних отношениях представляет собой полный суверенитет¹⁸.

Государственный суверенитет предлагается рассматривать и как наиболее обширную форму юрисдикции в соответствии с международным правом, т. е. как полную и неоспоримую власть над частью территории и всеми людьми, время от времени находящимися на ней [11]. Особенность данного определения мы видим в том, что автор не указывает носителя суверенитета, позволяя обладать суверенитетом различным субъектам.

¹⁴ Мусатов Ф.В. *Государство как субъект права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 230 с.*

¹⁵ Ромашов Р.А. *Теория государства и права. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. 164 с. С. 27.*

¹⁶ Ильин М.В. *Суверенитет: развитие понятийной категории // Суверенитет. Трансформация понятий и практик. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 14–42. С. 20.*

¹⁷ Henry Campbell Black. *Black's law dictionary. Definitions of the Terms and Phrases of American and English Jurisprudence, Ancient and Modern. ST. Paul, Minn: West Publishing Co, 1968. 1914 p.*

¹⁸ Henry Campbell Black. *Black's law dictionary. Definitions of the Terms and Phrases of American and English Jurisprudence, Ancient and Modern. ST. Paul, Minn: West Publishing Co, 1968. 1914 p. P. 1568.*

Суверенитет понимается и в виде общей черты государства, представляющей собой верховенство государства и независимость государственной власти в выражении и достижении воли правителей как общей воли, которая обязательна для всего общества [12]. Суверенитет в данном случае – инструмент для реализации воли правителя, которая провозглашается не только как общая воля, но и общеобязательная воля.

Государственный суверенитет – это качество государственной власти, позволяющее в пределах территориальных границ государства быть высшей по отношению к любой другой существующей в государстве социальной власти, а также независимой по отношению к власти любого другого государства или международного органа. Все это опосредуется в праве государства свободно определять цели своей деятельности внутри и за его границами, ставить основные задачи, которые оно должно решать, определять необходимые средства для достижения государственных целей без какого-либо вмешательства извне и с уважением суверенитета других государств и положений международного права [13]. Здесь мы видим один из вариантов трактовки классического определения государственного суверенитета, но это определение слишком противоречиво. В нем говорится про высшую и независимую власть внутри государства и вне его, но при этом упоминается про уважение не только международного права, но суверенитета других государств, про пределы же такого уважения ни в самом определении, ни в целом в работе не упоминается. Означает ли это, что если одно государство вторгается на территорию другого государства либо каким-то иным способом покушается его на суверенитет, то агрессор суверенитетом не обладает?

В другом исследовании выделены три элемента государственного суверенитета и указано, что в доктринальном плане суверенитет выражает принципы внешней независимости, внутренней власти и абсолютного правового верховенства государства¹⁹.

Суверенитет следует понимать как абсолютную власть государства над своей территорией и своим народом, а также независимость и международное признание его другими суверенными государствами в качестве суверенного государства [14]. Данное определение суверенитета государства включает необходимость международного признания. По нашему мнению, последний признак не является основным и его не обязательно включать в определение. По крайней мере, история и современность знают множество примеров, когда государство юридически являлось суверенным без всеобщего международного признания. Так, впервые РСФСР (а затем и СССР) был признан Афганистаном в 1919 году, Великобритания признала СССР в 1924 году, США – в 1933 году.

Авторы многих научных работ, изданных за последние три года, пытаются сформулировать авторское понятие суверенитета, указать на его существенные признаки, продикутованные современными нюансами развития международных отношений, но в этих работах прослеживаются давно устоявшиеся элементы государственного суверенитета. Рассмотрим следующие примеры.

Суверенитет характеризует государственные полномочия и привилегии, основанные на обычном праве, и реализация которых не зависит от наличия согласия на то другого государства. Государственный суверенитет в международных отношениях играет первостепенную роль в удовлетворении конституционной независимости государств [15]. Здесь можно указать на попытку выделить внешний элемент суверенитета (независимо от согласия другого государства). Виден переход к внутреннему элементу суверенитета (удовлетворение конституционной независимости государств, т. е. реализация конституционно-правовой нормы о независимости (суверенитете) государства).

Отметим небезупречную, но интересную формулировку, объясняющую содержание и современной государственной системы, и идею государственного суверенитета как элемента этой системы в европейском и имперском понимании: «государство с границами, обладающее полной властью в пределах своих границ, чья власть признается аналогичными государствами за пределами его границ» [16, с. 454]. В данном определении не столько акцентируется внимание на полновласти (монополии власти) государства, сколько подчеркивается значение территориальности для государственного суверенитета, а также роль государственных границ, задача которых разделить суверенитет на его внутренний и внешний элементы.

Мы в целом согласны с мнением, что различные понимания суверенитета, хотя и различаются по содержанию, воспроизводят одну и ту же концептуальную структуру. Эта структура состоит, прежде всего, из жесткого бинарного разделения на внутреннее/внешнее, национальное/глобальное, собственное/чужое, свое/чужое. Такое разделение связано с пространственно-теоретическим предположением, что пространство представляет собой вместилище с четкими фиксированными границами [17].

Можно констатировать, что европейская наука в основу суверенитета государства ставит постулат о верховном характере власти, а государственный суверенитет понимается как верховенство организованного порядка. Более того, такой суверенитет может соответствовать не только государству, но и иному субъекту права, так как представления о государственном суверенитете в Европе имели место еще до признания государства как особой личности (субъекта права). Смысл русскоязычного термина «государственный суверенитет» является буквальным, в соответствии с которым именно государство выступает субъектом права [10].

Тенденция принижения значимости государственного суверенитета

В то же время мы видим все больше работ как отечественных, так и зарубежных авторов, которых не устраивает традиционное понимание государственного суверенитета. Все чаще звучат довольно жесткие мнения, в соответствии с которыми государственный суверенитет – это формальное, фиктивное и т. п. явление. Так, в [18] концепция суверенитета определяется как “organized hypocrisy”, т. е. «организованное лицемерие». Имеется мнение, что суверенитет государства ценен только для красивых и убедительных речей, а его ценность для науки и права сомнительна [19]. Отмечается,

¹⁹ Loughlin M. *The Erosion of Sovereignty // Netherlands Journal of Legal Philosophy*. 2016. № 2. P. 57–81. DOI: [10.5553/NJLP.000048](https://doi.org/10.5553/NJLP.000048).

что «суверенитет имеет множество различных аспектов, и ни один из этих аспектов не является стабильным, а содержание понятия "суверенитет" постоянно меняется» [20, с. 185].

Мы можем констатировать, что зарубежные ученые и политические деятели все чаще используют термины «политическое самоуправление» и «национальная легитимность» и значительно реже используют термин «государственный суверенитет». Отмечается, что категорию «суверенитет» все еще можно найти в академических дискурсах, но преобладающим приемником сегодня является термин «самоопределение» [21].

Обозначим точку зрения, в соответствии с которой в науке и практике термину «суверенитет» находится множество новых применений, в результате которых он проявляется «во многих контекстах, где существует дисбаланс социально-экономической власти, местного контроля и автономии, а также доступа к ценным ресурсам» [22, с. 105].

Так, в ходе научных споров в России и за рубежом были созданы и до сих пор создаются новые концептуальные вариации суверенитета, среди которых можно выделить следующие: пост-вестфальский, поздний, разделяемый, объединенный, многоуровневый, дезагрегированный, делимый, относительный и практический. К рассмотрению предложены такие виды суверенитета, как кооперативный, плавающий, множественный, перфорированный, фрагментированный, реконфигурированный, сложный, фактический, децентрализованный, агональный, полиморфный. Наличие столь значительного количества предложенных учеными видов суверенитета подразумевает наличие мощной тенденции к пересмотру значения суверенитета государства в современном мироустройстве.

На нормативном уровне фактический призыв к пересмотру концепции государственного суверенитета путем санкционированной международным сообществом возможности вмешательства во внутренние дела государства можно увидеть в акте «Ответственность за защиту» (обязанность защищать), который был сформулирован Международной комиссией по вмешательству и государственному суверенитету (созвана в Канаде по поручению К. Аннана, на тот момент Генерального секретаря ООН) в 2001 году. Указанный акт предполагает наличие у государства не только суверенных прав, но и обязанностей, и устанавливает для государства «ответственность за защиту» или «обязанность защищать» по отношению к своим собственным гражданам. В случае, если государство не может самостоятельно организовать и (или) реализовать такую защиту, когда государство совершает массовое нарушение прав и свобод своих граждан (геноцид, военные преступления, этнические чистки и преступления против человечности), защиту граждан такого государства (ответственность за защиту) может взять на себя так называемое «международное сообщество», т. е. защита может осуществляться иными государствами. Основные положения концепции «ответственности за защиту», воплотившие рекомендации Международной комиссии, получили закрепление в Итоговом документе Всемирного саммита ООН 2005 года, принятом главами государств и правительств 170 стран. Концепция «ответ-

ственность за защиту» привлекла широкое международное внимание и служит существенным противоположением концепции суверенитета.

Основные доводы в защиту государственного суверенитета

Стремясь к большей научной достоверности при помощи эмпирического мышления, ученые-политологи пытались найти и обосновать причинно-следственные законы политического поведения. В данном случае суверенитет воспринимался ими как метафизическое выражение ушедшей эпохи. В свою очередь, такой механизм анализа не совсем обоснован, так как ведет к отождествлению государственного суверенитета с управлением, властью, полномочиями. Это происходит из-за неспособности поддерживать различие между научным концептом и его конкретными «отметками». Суверенитет, в том числе государственный, прежде всего выражает принцип единства, который состоит из таких элементов, как неограниченность, вечность и неделимость. Само понятие «суверен», «суверенитет» предполагает, что любое ограничение или разделение противоречит его сущности, дезавуирует, уничтожает его. Однако полномочия управления, «символы суверенитета», не только могут быть разделены и ограничены для создания политической власти, но и должны быть разделены и ограничены для сохранения этой политической власти. Тут нужно отметить, что обозначенная максима относится к феномену управления, а не к понятию суверенитета.

Мы не можем говорить, например, об ограничении государственного суверенитета, так как фактически ограничиваются полномочия органа управления, например полномочия правительства. Еще Ж. Боден в Книге II своих «Шести книг о республике» попытался объяснить, что существует большая разница между государством и правительством государства.

Очень часто мы видим ошибки, элементарные с одной стороны и достаточно серьезные – с другой. Например, мы считаем ошибочным мнение, что концепция федерализма требует разделения суверенитета между субъектами федеративного государства, либо что федерализм как таковой несовместим с суверенитетом.

Согласимся с тезисом, что распространение рассуждений о наличии суверенитета у субъектов федерации усложняет и без того неоднородную категорию государственного суверенитета вплоть до размышлений о теоретической обоснованности и практической целесообразности использования единого понятия государственного суверенитета [10].

Часто такого рода ошибки появляются из-за того, что политологи считают суверенитет государства политическим, а не юридическим понятием, в связи с чем они уравнивают государственный суверенитет с компетенцией государства, а вернее – с полномочиями соответствующего государственного органа (должностного лица), и, следовательно, со способностью национального государства регулировать и контролировать потребности своего существования и развития. Здесь мы можем сослаться на проблему отождествления *potestas*, т. е. права на осуществление нормативно закрепленных полномочий, и *potentia* – реальной способности управлять. Политологи, как правило, в своих исследованиях

оттапливаются только от *potentia*, тогда как *potestas* – наиболее важная характеристика концепции суверенитета государства. В идеале государственный суверенитет должен включать в себя диалектическое взаимодействие между *potentia* и *potestas*.

Соответственно, с политической точки зрения в наделянии государственным суверенитетом субъектов федерации нет ничего критичного, оно дает не только политический, но и пропагандистский и психологический эффект. С позиций взаимодействия *potentia* и *potestas* мы видим (немного перефразируя И.В. Лексина), как принадлежность суверенитета оказывается апостериорной характеристикой, зависящей от разграничения компетенции между уровнями публичной власти. Отсутствие соответствующей компетенции приведет к тому, что номинальная суверенность того или иного территориального образования не будет иметь непосредственного воплощения в юридической практике [10].

В свою очередь, правоведа также внесли лепту в снижение авторитета государственного суверенитета, искусственно разграничивая его правовые и политические составляющие. Они использовали обоснования концепции государственного суверенитета, которые в своем глубинном понимании метафорически образуют конструкцию «суверенитет закона» или «суверенитет конституции». Посредством положений текста Конституции Российской Федерации предлагается обозначить конституционно-правовой подход к государственному суверенитету как феномену институционального уровня и к непосредственному его значению как научной категории [23]. В некоторых исследованиях подтверждение государственного суверенитета осуществляется путем ссылки на конституционные нормы. Автор [24] указывает на нормы ч. 1 ст. 4, ч. 2.1 ст. 67, ст. 79 и 79.1 Конституции РФ. Ярким проявлением идеи государственного суверенитета в действии, по мнению автора [24], следует считать ст. 79 Конституции РФ, где говорится, что «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

По нашему мнению, в таких утверждениях вместо суверенитета государства прежде всего фиксируется автономия закона или конституции. Проблема в том, что нормы сами по себе не действуют; правовые нормы приобретают свою силу только в рамках политической власти, обеспечивающей их применение и исполнение. Этот политический аспект суверенитета выражает существенные фактические условия, лежащие в основе его юридической силы.

Можно констатировать, что государственный суверенитет как понятие метауровня трудно поколебать именно потому, что суверенитет интегрирует целый ряд исторических переживаний, нормативных ожиданий и надежд. Эти переживания и надежды опосреду-

ются через присущие суверенитету функциональные отношения и системно-структурные взаимозависимости, формирующие системный теоретико-практический и функционально-смысловой концепт государственного суверенитета. И хотя содержание концепта изменилось, форма теоретизирования, его концептуальная структура остались нетронутыми. Ключевыми чертами государственного суверенитета являются бинарное разделение внутреннего и внешнего, постулирование единой и самодостаточной суверенной сущности [17].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенное исследование позволило нам сформулировать и предложить для обсуждения следующее определение государственного суверенитета: государственная категория, имеющая абсолютный характер, являющаяся фундаментальной основой внутригосударственного и мирового правопорядка, выражающаяся, прежде всего, в независимости государства на международной арене и верховенстве государства во внутренней политике.

Можно заметить, что данное определение представляет собой симбиоз из классических элементов суверенитета – независимости государства на внешней арене и верховенства государства во внутренних делах, а также элементов, устанавливающих высочайший авторитет и значимость государственного суверенитета.

Можно констатировать, что абсолютное большинство современных точек зрения, пытающихся либо снизить значение государственного суверенитета в современных условиях, либо отказаться от суверенитета государства как изжившего себя института, либо иным образом дискредитировать значение и авторитет исследуемого феномена, исходят из ошибочных, зачастую ложных факторов и предпосылок, что, в свою очередь, приводит к ошибочным, нелогичным выводам.

По нашему мнению, одна из главных ошибок в восприятии и понимании государственного суверенитета кроется в отождествлении суверенитета государства с суверенитетом государственного органа управления. Нельзя говорить об ограничении государственного суверенитета в связи, например, с подписанием международного договора или вступлением в международную организацию. Во-первых, международный договор, как правило, можно расторгнуть, если он перестает соответствовать интересам стороны, а из международной организации можно выйти, если членство в такой организации будет для государства неприемлемым. Во-вторых, передача некоторых полномочий органа управления не означает ограничение или ущемление суверенитета государства или даже самого органа управления, наоборот, такая передача только подтверждает суверенитет, например, орган управления реализует свое суверенное полномочие заключать договоры и соглашения или быть членом международной организации. Государственный суверенитет при этом не прекращается и не принижается.

Мы предлагаем рассматривать государственный суверенитет как мировоззренческую идею и одновременно как политико-правовую аксиому, являющуюся фундаментальной основой существования и развития как

отдельных государств, так и всего мирового сообщества. Суверенитет в данном понимании направлен не на объяснение, а на конструирование политико-правовой «картины мира» и формирование мирового правопорядка.

Полагаем, что имеет смысл дальнейшее исследование точки зрения, предлагающей рассматривать суверенитет государства вне связи с реальностью, т. е. как явление, обладающее «качеством абсолютности» [10, с. 22] наравне с такими абсолютными понятиями (правовыми аксиомами), как признание дееспособности у вменяемого лица, достигшего соответствующего возраста; где есть право, есть и защита; общеизвестные факты доказыванию не подлежат и т. д. По нашему мнению, признание научным сообществом государственного суверенитета в качестве правовой аксиомы снимет пусть и не все, но очень многие проблемные вопросы данной концепции.

Следующим фактом, который способствует распространению идей о пересмотре значимости и существования государственного суверенитета, является монистическая модель его осознания и понимания: либо только с точки зрения политологии, отвергая юридические характеристики и свойства государственного суверенитета, либо рассмотрение феномена суверенитета государства только на основе юридических начал.

Попытки использования такой стратегии ведут к серьезному ограничению сущности и содержания государственного суверенитета, а также к возможности инсинуаций значимости концепции суверенитета для отдельных государств и мирового сообщества в целом. Сложно представить тот хаос, который может развиваться вследствие отказа от концепции государственного суверенитета, особенно в эпоху глобализации и в условиях дефицита (отдельных полезных ископаемых, продуктов, воды), в условиях существенного перекоса в возможностях (политических, экономических, военных, сырьевых) между различными странами (территориями, народами, корпорациями, организациями).

Мы можем констатировать, что государственный суверенитет не может потеряться в глобализационной действительности ввиду того, что суверенитет государства и глобализация – феномены разного порядка. Суверенитет – это концепция, направленная на формирование и поддержание существования соответствующего миропорядка и конкретного государства в нем. Глобализация задает определенный вектор развития мирового сообщества. Полагаем, что данные феномены следует научно разграничивать, хотя и нельзя полностью исключить их влияние друг на друга. В противовес авторам, которые сетуют на разрушительное влияние процессов глобализации на суверенитет государства, заметим, что зачастую негативные последствия для суверенных прав государства создаются не процессом глобализации, а неэффективным руководством, неспособностью адаптироваться под веяния времени, внутренними и внешними конфликтами и т. д.

Наука должна выработать, а государственная практика – воспринять государственный суверенитет как политико-правовую аксиому, что предполагает незыблемость государственного суверенитета в целях сохранения государства как политико-правового явления и прогрессивного развития современного миропорядка. Таким образом, мы можем говорить не только о потен-

циальном усилении позиций государственного суверенитета, но и о необходимости формирования и продвижения концепции незыблемости государственного суверенитета.

ВЫВОДЫ

1. Государственный суверенитет имеет комплексный характер, являясь фундаментальным понятием одновременно и политологии, и юриспруденции, выражает автономный характер политической власти государства и конкретную юридическую форму его деятельности.

2. Государственный суверенитет представляет собой концепцию, на которой основаны принятые идеи легитимного господства. Оспариваемость концепции легитимного господства государства нельзя отождествлять с возможностью оспаривания концепции государственного суверенитета.

3. Суверенитет государства, в отличие от полномочий субъектов государственного управления, не может быть ограничен.

4. Принижение значимости, призывы к отмене государственного суверенитета – опаснейшая тенденция, ведущая к многочисленным конфликтам как регионального, так и мирового масштаба, и в перспективе – к состоянию «войны всех против всех».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жуковская Н.Ю., Калинина Е.В. Государственный суверенитет и диалектика его эволюции в современных условиях // *Международное право и международные организации / International law and international organizations*. 2021. № 4. С. 76–88. DOI: [10.7256/2454-0633.2021.4.37115](https://doi.org/10.7256/2454-0633.2021.4.37115).
2. Алексеева Л.А., Майорова С.А. К вопросу о государственном суверенитете в условиях глобализации // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2022. № 3. С. 39–44. DOI: [10.36511/2078-5356-2022-3-39-44](https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-3-39-44).
3. Виноградова Е.В., Полякова Т.А. О месте информационного суверенитета в конституционно-правовом пространстве современной России // *Правовое государство: теория и практика*. 2021. № 1. С. 32–49. DOI: [10.33184/pravgos-2021.1.3](https://doi.org/10.33184/pravgos-2021.1.3).
4. Ефремов А.А. Государственный суверенитет в условиях цифровой трансформации // *Правоведение*. 2019. Т. 63. № 1. С. 47–61. DOI: [10.21638/spbu25.2019.103](https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.103).
5. Мамедов В.Р. Влияние технологического прогресса на трансформацию сущности государственного суверенитета // *Инновации и инвестиции*. 2021. № 8. С. 21–25. EDN: [XBSSFF](https://www.edn.ru/xbssff/).
6. Дворецкий В.М. Государственный суверенитет как правовая категория в контексте кризиса современной системы международных отношений // *Право и политика*. 2019. № 1. С. 11–19. DOI: [10.7256/2454-0706.2019.1.28700](https://doi.org/10.7256/2454-0706.2019.1.28700).
7. Мургузалиев Р.Р., Алиева М.Н. Проблема государственного суверенитета в международном праве // *Государственная служба и кадры*. 2022. № 2. С. 247–249. DOI: [10.24412/2312-0444-2022-2-247-249](https://doi.org/10.24412/2312-0444-2022-2-247-249).

8. Катков А.Д. Суверенитет государства: проблема его понимания и историческое развитие принципа // *Международные отношения*. 2019. № 3. С. 1–14. DOI: [10.7256/2454-0641.2019.3.29403](https://doi.org/10.7256/2454-0641.2019.3.29403).
9. Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. Принцип домино: мировая политика на рубеже веков. М.: Канон, 2016. 312 с.
10. Лексин И.В. Суверенитет и государство: концептуальные взаимосвязи и расхождения // *Российское право: образование, практика, наука*. 2018. № 3. С. 17–29. EDN: [XZTEFF](https://www.edn.ru/XZTEFF).
11. Snyman-Ferreira M.P. The evolution of state sovereignty: A historical overview // *Fundamina*. 2006. Vol. 12. № 2. P. 1–28.
12. Anghel I.-M. Subiectele de drept international // *The subjects of international law*. Bucharest: Lumina Lex Publishing House, 1998. P. 153–158.
13. Vrabie G. Drept constitutional f institute politice contemporane // *Constitutional law and contemporary political institutions*. Iasi: TEAM, 1995. P. 245–249.
14. Weber C. *Simulating sovereignty: intervention, the state and symbolic exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 164 p.
15. Ulum M.B. Sovereignty and legal personality: A lesson from European Union's evolution to supranationalism // *Lampung Journal of International Law*. 2022. Vol. 4. № 1. P. 27–40. DOI: [10.25041/lajil.v4i1.2517](https://doi.org/10.25041/lajil.v4i1.2517).
16. Parasram A. *Sovereignty // Showing Theory to Know Theory Understanding Social Science Concepts through Illustrative Vignettes*. Vol. 1. Ottawa: Showing Theory Press, 2022. P. 453–462.
17. Volk Ch. The Problem of Sovereignty in Globalized Times // *Law, Culture and the Humanities*. 2022. Vol. 18. № 3. P. 716–738. DOI: [10.1177/1743872119828010](https://doi.org/10.1177/1743872119828010).
18. Krasner S.D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press, 1999. 248 p.
19. Fowler M.R., Bunck J.M. *Law, Power, and the Sovereign State. The Evolution and Application of the Concept of Sovereignty*. Philadelphia: Penn State University Press, 1995. 214 p.
20. Schermers H. *Different Aspects of Sovereignty // State, sovereignty, and international governance*. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 185–192.
21. O'Sullivan D. 'We Are All Here to Stay': Citizenship, Sovereignty and the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples. Canberra: ANU Press, 2020. 250 p.
22. Naylor R.S., Hunt C.A. Tourism and Livelihood Sovereignty: A Theoretical Introduction and Research Agenda for Arctic Contexts // *Societies*. 2021. Vol. 11. № 3. Article number 105. DOI: [10.3390/soc11030105](https://doi.org/10.3390/soc11030105).
23. Ильин И.М. Суверенитет в доктрине конституционализма: дефиниция, проблематика // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2020. Т. 1. № 2. С. 96–106. EDN: [SRWDYK](https://www.edn.ru/SRWDYK).
24. Курилкина О.А. Институт суверенитета: теоретико-правовое и практическое осмысление // *Философия права*. 2020. № 4. С. 12–15. EDN: [ZCDAND](https://www.edn.ru/ZCDAND).
25. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International law and international organizations*, 2021, no. 4, pp. 76–88. DOI: [10.7256/2454-0633.2021.4.37115](https://doi.org/10.7256/2454-0633.2021.4.37115).
26. Alekseeva L.A., Mayorova S.A. On the issue of state sovereignty in the context of globalization. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2022, no. 3, pp. 39–44. DOI: [10.36511/2078-5356-2022-3-39-44](https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-3-39-44).
27. Vinogradova E.V., Polyakova T.A. On the place of information sovereignty in the constitutional legal sphere in modern Russia. *Pravoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2021, no. 1, pp. 32–49. DOI: [10.33184/pravgos-2021.1.3](https://doi.org/10.33184/pravgos-2021.1.3).
28. Efremov A.A. State sovereignty in the conditions of digital transformation. *Pravovedenie*, 2019, vol. 63, no. 1, pp. 47–61. DOI: [10.21638/spbu25.2019.103](https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.103).
29. Mamedov V.R. The impact of technological progress on the transformation of the essence of state sovereignty. *Innovatsii i investitsii*, 2021, no. 8, pp. 21–25. EDN: [XBSSFF](https://www.edn.ru/XBSSFF).
30. Dvoretzkiy V.M. State sovereignty as a legal category in the context of the crisis of the modern system of international relations. *Pravo i politika*, 2019, no. 1, pp. 11–19. DOI: [10.7256/2454-0706.2019.1.28700](https://doi.org/10.7256/2454-0706.2019.1.28700).
31. Murtuzaliev R.R., Alieva M.N. The problem of state sovereignty in international law. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, 2022, no. 2, pp. 247–249. DOI: [10.24412/2312-0444-2022-2-247-249](https://doi.org/10.24412/2312-0444-2022-2-247-249).
32. Katkov A.D. State sovereignty: problem of its interpretation and historical evolution of the principle. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, no. 3, pp. 1–14. DOI: [10.7256/2454-0641.2019.3.29403](https://doi.org/10.7256/2454-0641.2019.3.29403).
33. Ponomareva E.G., Rudov G.A. *Printsip domino: mirovaya politika na rubezhe vekov* [Domino effect: World policy on crossroad of ages]. Moscow, Kanon Publ., 2016. 312 p.
34. Leksin I.V. Sovereignty and the state: conceptual interconnections and divergences. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2018, no. 3, pp. 17–29. EDN: [XZTEFF](https://www.edn.ru/XZTEFF).
35. Snyman-Ferreira M.P. The evolution of state sovereignty: A historical overview. *Fundamina*, 2006, vol. 12, no. 2, pp. 1–28.
36. Anghel I.-M. Subiectele de drept international. *The subjects of international law*. Bucharest, Lumina Lex Publishing House Publ., 1998, pp. 153–158.
37. Vrabie G. Drept constitutional f institute politice contemporane. *Constitutional law and contemporary political institutions*. Iasi, TEAM Publ., 1995, pp. 245–249.
38. Weber C. *Simulating sovereignty: intervention, the state and symbolic exchange*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1995. 164 p.
39. Ulum M.B. Sovereignty and legal personality: A lesson from European Union's evolution to supranationalism. *Lampung Journal of International Law*, 2022, vol. 4, no. 1, pp. 27–40. DOI: [10.25041/lajil.v4i1.2517](https://doi.org/10.25041/lajil.v4i1.2517).
40. Parasram A. *Sovereignty. Showing Theory to Know Theory Understanding Social Science Concepts through Illustrative Vignettes*. Ottawa, Showing Theory Press Publ., 2022. Vol. 1, pp. 453–462.
41. Volk Ch. The Problem of Sovereignty in Globalized Times. *Law, Culture and the Humanities*, 2022, vol. 18, no. 3, pp. 716–738. DOI: [10.1177/1743872119828010](https://doi.org/10.1177/1743872119828010).

REFERENCES

1. Zhukovskaya N.Yu., Kalinina E.V. State sovereignty and dialectics of its evolution in the modern context.

18. Krasner S.D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton, Princeton University Press Publ., 1999. 248 p.
19. Fowler M.R., Bunck J.M. *Law, Power, and the Sovereign State. The Evolution and Application of the Concept of Sovereignty*. Philadelphia, Penn State University Press Publ., 1995. 214 p.
20. Schermers H. *Different Aspects of Sovereignty. State, sovereignty, and international governance*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2002, pp. 185–192.
21. O’Sullivan D. *‘We Are All Here to Stay’: Citizenship, Sovereignty and the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples*. Canberra, ANU Press Publ., 2020. 250 p.
22. Naylor R.S., Hunt C.A. Tourism and Livelihood Sovereignty: A Theoretical Introduction and Research Agenda for Arctic Contexts. *Societies*, 2021, vol. 11, no. 3, article number 105. DOI: [10.3390/soc11030105](https://doi.org/10.3390/soc11030105).
23. Ilin I.M. Sovereignty in the doctrine of constitutionalism: definition, problems. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2020, vol. 1, no. 2, pp. 96–106. EDN: [SRWDYK](https://elibrary.ru/srwdyk).
24. Kurilkina O.A. Institute of sovereignty: theoretical and practical understanding. *Filosofiya prava*, 2020, no. 4, pp. 12–15. EDN: [ZCDAND](https://elibrary.ru/zcdand).

The concept of state sovereignty in the modern period

© 2023

Valery N. Pyatkin, senior lecturer of Chair of State and Administrative Law

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk (Russia)

E-mail: speranzo2@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6038-3504>

Abstract: Understanding, development, and significance of state sovereignty in international and domestic relations are a constant and burning issue of scientific research. However, over the last years, there is a growing tendency in the foreign and Russian science aimed at the disavowal of the concept of the sovereignty as an inalienable, undivided, and absolute power of the state, which leads both to the scientific disputes and the growth of tension at the state-by-state (international) level. The abovementioned determined the goal of this work: the scientific substantiation of the sovereignty as the most important, enduring characteristic and the base attribute of a state, as well as the formation of the concept according to which state sovereignty should be considered as a political and legal axiom aimed at the creation of a modern secure world order. The understanding of state sovereignty developed over several centuries includes the ability of a state to form and implement an individual, independent, and integral foreign and domestic policy, which means the supremacy of the state in the domestic and foreign policy. However, there are significant disagreements in understanding the nature, scope, implementation mechanism, and other factors of the formation and development of state sovereignty. In the paper, the author attempts to comprehend the pluralism of views on the concept of state sovereignty and to identify the consequences of artificial reducing the authority of the state sovereignty concept, proposes the justification for the inadmissibility of its disavowal. The author concludes that the concept of state sovereignty is actually the most important property of any state and scarcely depends on the influence of external factors, i.e. the sovereignty of the state cannot be limited since this contradicts, first of all, to its essence, and the disparagement and appeals to the state sovereignty abolition are the most dangerous tendency significantly increasing the level of tension in the world. State sovereignty is a symbol, the ideological framework of the world order and the existence of any state.

Keywords: state independence; state supremacy; sovereignty; state sovereignty; state sovereignty concept.

For citation: Pyatkin V.N. The concept of state sovereignty in the modern period. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 1, pp. 23–32. DOI: [10.18323/2220-7457-2023-1-23-32](https://doi.org/10.18323/2220-7457-2023-1-23-32).

Квалификация преступления, совершенного адвокатом с использованием служебного положения

© 2023

Скляр Сергей Валерьевич, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права

Российский государственный университет правосудия, Москва (Россия)

E-mail: sklyarovsv@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1874-0766>

Аннотация: Вопрос о возможности квалификации совершенного адвокатом преступления по признаку «с использованием служебного положения» в теории уголовного права является дискуссионным. На практике в одних случаях данный квалифицирующий признак применяется при правовой оценке действий адвоката, в других случаях – не применяется. Необходимы четкие критерии применения квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» при привлечении адвоката к уголовной ответственности. В статье анализируются разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в которых раскрывается квалифицирующий признак «с использованием служебного положения». Определено, что квалифицирующий признак «с использованием служебного положения» в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации понимается поразному применительно к различным преступлениям. Анализируется судебная практика применения указанного квалифицирующего признака при привлечении адвоката к уголовной ответственности. Установлено отсутствие единого подхода судов к квалификации действий адвоката по признаку «с использованием служебного положения». Исследуются доводы ученых, возражающих против применения квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» при привлечении адвоката к уголовной ответственности. Сделан вывод, что служебное положение адвоката связано не с его профессиональным статусом, не с должностью, которую он занимает, а с функциями, которые адвокат, не являясь должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, реализует в правоприменительном процессе. Поэтому при определенных условиях и в определенных случаях существует объективная необходимость вменять адвокату, совершившему преступление, квалифицирующий признак «с использованием служебного положения».

Ключевые слова: преступление, совершенное адвокатом; использование служебного положения; квалификация преступлений.

Для цитирования: Скляр С.В. Квалификация преступления, совершенного адвокатом с использованием служебного положения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 1. С. 33–38. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-1-33-38.

ВВЕДЕНИЕ

Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит семьдесят семь статей, предусматривающих ответственность за преступления, в которых признаком основного состава или квалифицирующим признаком выступает «использование служебного положения». При этом лишь для девяти преступлений (ст. 148, 169, 170, 194, 200.2, 226.1, 229.1, 243.3, 283.2 УК РФ) закон связывает признак «с использованием служебного положения» с должностным лицом. В остальных случаях указаний на должность в статьях Особенной части УК РФ не содержится. Соответственно, возникает вопрос о возможности квалификации совершенного адвокатом преступления по признаку «с использованием служебного положения». В теории уголовного права отсутствует единый подход к решению указанного вопроса. На практике в одних случаях данный квалифицирующий признак применяется при правовой оценке действий адвоката, в других случаях – не применяется. Поэтому необходимо выработать однозначные критерии применения квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» при привлечении адвоката к уголовной ответственности.

В уголовно-правовой науке квалифицирующий признак «с использованием служебного положения» тра-

диционно относится правоведами к должностным лицам [1]; к должностным лицам и к лицам, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации [2; 3]; к характеристикам коррупционных преступлений [4; 5]; к должностным лицам, государственным и муниципальным служащим, а также служащим в целом [6].

Между тем признак «с использованием служебного положения» нередко применяется при квалификации действий лиц, не являющихся должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации. В частности, к числу таких лиц относится адвокат, совершивший преступление с использованием своего процессуального положения представителя по гражданскому делу, защитника по уголовному делу или по делу об административном правонарушении.

В теории уголовного права отсутствует единый подход к решению вопроса о возможности квалификации совершенного адвокатом преступления по признаку «с использованием служебного положения». Рассуждая о преступлениях, совершаемых адвокатами, авторы либо оставляют за пределами своего исследования данный квалифицирующий признак и возможность его использования применительно к действиям адвоката [7], либо, разделяя на основе изучения судебной

практики эти преступления по профессиональному признаку на профессиональные (связанные с осуществлением адвокатской деятельности) и непрофессиональные, не исследуют вопрос о возможности квалификации действий адвоката по квалифицирующему признаку «с использованием служебного положения» [8; 9].

Однако, если вопрос о возможности квалификации совершенного адвокатом преступления по признаку «с использованием служебного положения» исследуется в научной работе, то указывается на невозможность вменения адвокатам при совершении ими преступлений признака, связанного с использованием своего служебного положения. Для обоснования этого утверждения используются постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹, практика районных судов и тезис, что, хотя совершение преступления лицами с использованием своего профессионального положения повышает общественную опасность преступления, это понятие шире, чем понятие служебного положения, поэтому адвокат несет уголовную ответственность на общих основаниях [10; 11].

В то же время правоприменитель при реализации уголовного закона в одних ситуациях применяет данный квалифицирующий признак при правовой оценке действий адвоката, совершившего преступление, в других – не применяет. При этом квалифицирующий признак «с использованием служебного положения» нередко понимается по-разному применительно различным преступлениям.

Цель исследования – определение возможности, а при наличии таковой – критериев применения квалифицирующего признака преступления «с использованием служебного положения» при привлечении адвоката к уголовной ответственности.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось путем проведения сравнительного анализа разъяснений Пленума ВС РФ, в которых раскрывается квалифицирующий признак преступления «с использованием служебного положения»; подбора и анализа судебной практики применения квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» при привлечении адвоката к уголовной ответственности; изучения и анализа научных работ ученых-криминалистов, возражающих против применения квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» при привлечении адвоката к уголовной ответственности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При анализе разъяснений Пленума ВС РФ установлено, что служебное положение применительно к различным преступлениям понимается как:

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

– занятие определенной должности;
– выполнение определенных функций;
– использование форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений или оружия, сведений, которыми лицо располагает в связи со своим служебным положением.

Занятие определенной должности как основная составляющая признака преступления «с использованием служебного положения» сводится к лицам, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации (примечание к ст. 201 УК РФ), должностным лицам (примечание к ст. 285 УК РФ), государственным и муниципальным служащим.

Пленум ВС РФ в п. 29 постановления «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указал, что под лицами, использующими свое служебное положение, следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ (например, лиц, которые используют для хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации)².

Аналогичный подход к определению признака «с использованием служебного положения» имеется в постановлениях Пленума ВС РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)»³, «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»⁴.

Выполнение определенных функций как составляющую признака «с использованием служебного положения» можно обнаружить в постановлении Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», где указано, что к должностным полномочиям также относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии), либо когда виновный осуществляет функции представителя власти, исполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, возложенные на него законом или иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица,

² См. 1.

³ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

⁴ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

правомочным на то органом или должностным лицом (например, функции присяжного заседателя)⁵.

В п. 15 постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» указано, что хищением оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств лицом с использованием своего служебного положения следует считать хищение их как лицом, которое наделено служебными полномочиями, связанными с оборотом оружия, в частности его использованием, производством, учетом, хранением, передачей, изъятием и т. д., так и лицом, которому они выданы персонально и на определенное время для выполнения специальных обязанностей (часовым, полицейским, вахтером или инкассатором во время исполнения ими служебных обязанностей и т. п.)⁶.

Постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» относит к лицам, использующим свое служебное положение, не только должностных лиц, но и лиц, выполнение трудовых функций которых связано с работой с наркотическими средствами или психотропными веществами, а также растениями либо их частями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества⁷.

Использование форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений или оружия, сведений, которыми лицо располагает в связи со своим служебным положением, как составляющей квалифицирующего признака преступления «с использованием служебного положения» упоминается в п. 11 постановления Пленума ВС РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»⁸.

О расширении диапазона лиц, привлекаемых к ответственности за совершение преступления с использованием служебного положения, и о том, что «категория специального субъекта по рассматриваемому вопросу незаслуженно сокращена», говорится в отдельных научных работах [2; 12].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Применение квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» связывается

⁵ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

⁶ О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 от 12.03.2002 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

⁷ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

⁸ О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.1997 № 1 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

в судебной практике не только с занимаемой лицом должностью, но и с иными обстоятельствами: с выполнением специальных обязанностей, трудовых функций, с использованием форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений, оружия или сведений.

Когда речь идет о преступлениях, совершаемых адвокатом, в первую очередь имеются в виду преступления, связанные с его профессиональным статусом, с его профессиональной деятельностью, т. е. связанные с участием адвоката в рассмотрении гражданских, административных и уголовных дел. К таким преступлениям можно отнести отдельные преступления против правосудия, например ст. 294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования», в частности ч. 3 – вмешательство в деятельность судьи, прокурора, следователя с использованием служебного положения, а также любые другие преступления, при совершении которых адвокат может использовать свой статус защитника (представителя), связанный с участием в рассмотрении гражданских, административных и уголовных дел.

Можно ли действия адвоката в указанных ситуациях квалифицировать по признаку «совершенные лицом с использованием своего служебного положения» при его наличии в качестве основного или квалифицирующего признака преступления? Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо обратиться к немногочисленной, но все-таки имеющей место судебной практике.

Так, осужденный Балахонов разорвал протоколы допросов М. в качестве подозреваемой и обвиняемой, т. е. совершил вмешательство в деятельность следователя с использованием своего служебного положения. Являясь адвокатом, на основании соглашения он защищал интересы Г. и М. по данному уголовному делу, и, осуществляя свои профессиональные обязанности, только он, будучи в силу п. 6 ч. 1 ст. 53 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации допущен к участию в уголовном деле в качестве защитника, был вправе с момента своего допуска знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с участием своих подзащитных. Поэтому с доводами жалоб, что адвокат Балахонов не использовал своего служебного положения, совершая преступление, судебная коллегия не согласилась, как с несостоятельными⁹.

Аналогично Экаев, используя свое служебное положение адвоката, вмешался в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия, трижды вмешивался в деятельность следователя в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела, а также применил не опасное для жизни и здоровья насилие в отношении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей¹⁰.

В другом случае, квалифицируя действия Параскевы как приготовление к незаконному сбыту наркотических средств в особо крупном размере с использованием

⁹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2008 № 83-О08-16 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

¹⁰ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2007 по делу № 35-О06-81 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

своего служебного положения, суд исходил из того, что Параскева приготовился сбыть наркотические средства содержащемуся под стражей подследственному, на защиту которого с ним было заключено соглашение, на территории следственного изолятора, используя свое служебное положение – статус адвоката, позволяющий ему беспрепятственно встречаться со своим подзащитным конфиденциально, в том числе в условиях изолятора¹¹.

Или, например, Е.А.А., являясь адвокатом Московской коллегии адвокатов и находясь в служебном кабинете дознавателя, при допуске в качестве защитника Р. не представил ордер адвоката. Оставшись наедине с Р., Е.А.А. заявил ей, что дознаватель планирует ее задержание в качестве подозреваемой в порядке ст. 91, 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, тем самым угрожая лишением свободы. Е.А.А. ввел Р. в заблуждение, убедив в наличии у него возможности повлиять на решение дознавателя, который в случае получения через него, Е.А.А., 30 тыс. руб. не будет лишать Р. свободы. Опасаясь задержания, Р. передала ему 20 тыс. руб.

Судебная коллегия не согласилась с выводом суда о том, что указанное преступление совершено Е.А.А. с использованием служебного положения. Сославшись на приведенные разъяснения Пленума (на тот момент содержавшиеся в Постановлении Пленума ВС РФ от 27.12.2007 № 51), она также привела известные определения организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций, заключив, что каких-либо объективных данных, свидетельствующих о том, что Е.А.А., работая адвокатом Московской коллегии адвокатов, являясь должностным лицом, обладал полномочиями, связанными с осуществлением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, в материалах дела не имеется. При таких обстоятельствах действия Е.А.А. подлежат переквалификации с ч. 3 ст. 159 УК РФ на ч. 1 ст. 159 УК РФ¹².

Из приведенных примеров следует, что в судебной практике отсутствует единый подход к квалификации действий адвоката по признаку «с использованием служебного положения». Выявить при этом какую-либо закономерность достаточно проблематично. Казалось бы, вывод очевиден: при совершении преступления против правосудия указанный квалифицирующий признак «с использованием служебного положения» вменяется адвокату во всех случаях, когда он является участником уголовного (административного, гражданского) процесса и использует для совершения преступления полномочия защитника (представителя); при совершении им иных преступлений – квалификация деяния по признаку «с использованием служебного положения» зависит от характера преступления и наличия разъяснений Пленума ВС РФ.

Однако, например, в постановлении Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»¹³ указано, что к лицам, использующим свое служебное положение при хищении наркотических средств и иных веществ, относятся как должностные лица, так и лица, выполнение трудовых функций которых связано с работой с соответствующими средствами или веществами (п. 23). Вне поле зрения остаются лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации. Хотя сомнений в правильности применения п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ при совершении преступления лицом, указанным в примечании к ст. 201 УК РФ, в юридической литературе не высказывается [13], отмечается, что толкование признака «с использованием служебного положения» должно быть одинаковым [14; 15]. Поэтому необходимо найти иное подтверждение или опровержение возможности квалификации совершенного адвокатом преступления по признаку «с использованием служебного положения».

Противники вменения адвокату квалифицирующего признака преступления «с использованием служебного положения» указывают, что адвокат не является лицом, которое может использовать свое служебное положение, поскольку такого положения у него нет, и имеет место неосновательное смешение профессионального статуса адвоката с отсутствующим у него служебным положением [16].

Вместе с тем, рассматривая адвоката как субъекта преступления, совершенного с использованием служебного положения, имеется в виду не просто лицо, сдавшее экзамены и получившее удостоверение адвоката, а лицо, получившее официальный статус защитника (представителя) по делу. В этом случае у адвоката появляются полномочия, которых у него не было и не могло быть до его вступления в дело. В этой ситуации можно провести аналогию с врачом, выдающим больничные листы, с преподавателем, принимающим экзамен [17; 18]. Их служебное положение связано не с профессиональным статусом, не с должностью как таковой, а с функциями, которые указанные лица, не являясь должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, реализуют. Так же и адвокат, выполняя в конкретном уголовном, административном, гражданском деле функции защитника или представителя, получает дополнительные полномочия, которые использует при совершении преступления.

Кроме того, в соответствии с примечанием к ст. 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) «Разглашение информации с ограниченным доступом» адвокаты, совершившие административное правонарушение, предусмотренное этой статьей, несут административную ответственность как должностные лица.

¹¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 03.10.2013 по делу № 10-8873 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mosgorsud.ru>.

¹² Определение Московского городского суда от 12.09.2011 по делу № 22-10694 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

¹³ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

При этом ст. 13.14 КОАП РФ установлена ответственность за разглашение информации лицом, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей. Таким образом, акцент сделан не на должности или профессиональном статусе лица, а на исполнении обязанностей.

ВЫВОДЫ

Вменение адвокату квалифицирующего признака преступления «с использованием служебного положения», если преступление связано с реализацией процессуальных полномочий, полученных в результате вступления адвоката в дело в качестве защитника или представителя, не противоречит закону. Исключение составляют случаи, когда совершенное адвокатом преступление не связано с исполнением им полномочий защитника или представителя либо когда Пленум ВС РФ в соответствующем постановлении ограничительно трактует квалифицирующий признак преступления «с использованием служебного положения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безверхов А.Г., Элекина С.В. Стратегия развития уголовного законодательства России о служебных преступлениях в XXI веке // Закон. 2022. № 4. С. 34–41. DOI: [10.37239/0869-4400-2022-19-4-34-41](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-4-34-41).
2. Бычков В.В., Бражников Д.А. О концепции отягчающего обстоятельства «совершение преступления с использованием своего служебного положения» // Российский следователь. 2019. № 3. С. 37–41. EDN: [ZANFRR](https://www.edn.ru/zanfrr/).
3. Есаков Г.А. К концепции единых служебных преступлений // Закон. 2022. № 4. С. 25–33. DOI: [10.37239/0869-4400-2022-19-4-25-33](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-4-25-33).
4. Матвеев И.В. Соотношение понятий коррупционного преступления и преступления коррупционной направленности // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 70–78. DOI: [10.34076/20713797_2021_3_70](https://doi.org/10.34076/20713797_2021_3_70).
5. Хотькина О.К. Вопросы квалификации коррупционных преступлений // Современное право. 2021. № 11. С. 96–99. DOI: [10.25799/NI.2021.54.84.017](https://doi.org/10.25799/NI.2021.54.84.017).
6. Романова В.В. Специальный субъект общеуголовных преступлений, совершаемых с использованием служебного положения // КриминалистЪ. 2011. № 1. С. 30–33. EDN: [VXOGRN](https://www.edn.ru/vxogrn/).
7. Маресина М.А. К вопросу об уголовной ответственности адвоката за совершение преступлений, связанных с взяткой // International Journal Of Professional Science. 2021. № 8. С. 5–11. DOI: [10.54092/25421085_2021_8_5](https://doi.org/10.54092/25421085_2021_8_5).
8. Ларина Л.Ю. Разновидности преступлений, совершаемых адвокатами (по материалам практики) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 3. С. 15–17. EDN: [VBJIMN](https://www.edn.ru/vbjimn/).
9. Маресина М.А. Общая характеристика адвоката как специального субъекта преступления // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 29. С. 548–553. EDN: [SXOMFM](https://www.edn.ru/sxomfm/).
10. Ларина Л.Ю. Уголовная ответственность за преступления, совершенные с использованием профессионального положения (на примере адвокатов) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 14–16. EDN: [WCAQJZ](https://www.edn.ru/wcaqjz/).
11. Удовик А.О. Об уголовной ответственности адвоката по УК РФ // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 22–24. EDN: [ZQXVZT](https://www.edn.ru/zqxvzt/).
12. Игнатов А.Н., Кашкаров А.А., Венедиктов А.А. К определению содержания и уголовно-правовой оценке понятия «использование служебного положения» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2. № 1. С. 87–93. EDN: [XBHWMJ](https://www.edn.ru/xbhwmj/).
13. Карабанова Е.Н. Проблемы квалификации сложных служебных преступлений // Уголовное право. 2016. № 3. С. 50–56. EDN: [WHWTQN](https://www.edn.ru/whwtqn/).
14. Борисова О.В. Особенности мошенничества, присвоения и растраты, совершаемых лицом с использованием своего служебного положения // Уголовное право. 2015. № 5. С. 15–18. EDN: [UNXAGH](https://www.edn.ru/unxagh/).
15. Иногамова-Хегай Л., Черобедов С. Квалификация преступлений, совершенных с использованием служебного положения // Уголовное право. 2008. № 4. С. 25–31. EDN: [JTKRKT](https://www.edn.ru/jtkrkt/).
16. Яни П.С. Вопросы квалификации преступлений // Законность. 2018. № 12. С. 27–31. EDN: [NEUBII](https://www.edn.ru/neubii/).
17. Шиханов В.Н. Могут ли врачи и учителя (преподаватели) нести уголовную ответственность в качестве должностных лиц: нюансы правоприменения // Закон. 2022. № 4. С. 77–90. DOI: [10.37239/0869-4400-2022-19-4-77-90](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-4-77-90).
18. Чурляева И.В. Преподаватель в государственном образовательном учреждении является ли должностным лицом? // Юридическое образование и наука. 2020. № 1. С. 27–32. EDN: [QJWYMG](https://www.edn.ru/qjwymg/).

REFERENCES

1. Bezverkhov A.G., Elekina S.V. Strategy for the development of Russian criminal legislation on official crimes in the XXI century. *Zakon*, 2022, no. 4, pp. 34–41. DOI: [10.37239/0869-4400-2022-19-4-34-41](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-4-34-41).
2. Bychkov V.V., Brazhnikov D.A. On the concept of the aggravating circumstance “committing a crime exercising the powers vested by virtue of one’s office”. *Rossiyskiy sledovatel*, 2019, no. 3, pp. 37–41. EDN: [ZANFRR](https://www.edn.ru/zanfrr/).
3. Esakov G.A. On concept of unified official crimes. *Zakon*, 2022, no. 4, pp. 25–33. DOI: [10.37239/0869-4400-2022-19-4-25-33](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-4-25-33).
4. Matveev I.V. The correlation between a corruption crime and a corruption-related crime. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2021, no. 3, pp. 70–78. DOI: [10.34076/20713797_2021_3_70](https://doi.org/10.34076/20713797_2021_3_70).
5. Khotkina O.K. Questions of qualification of corruption crimes. *Sovremennoe pravo*, 2021, no. 11, pp. 96–99. DOI: [10.25799/NI.2021.54.84.017](https://doi.org/10.25799/NI.2021.54.84.017).
6. Romanova V.V. Special subject of ordinary crimes committed through an abuse of the official position. *Kriminalist*, 2011, no. 1, pp. 30–33. EDN: [VXOGRN](https://www.edn.ru/vxogrn/).
7. Maresina M.A. On the issue of criminal responsibility of advocate for commits bribe crimes. *International Journal Of Professional Science*, 2021, no. 8, pp. 5–11. DOI: [10.54092/25421085_2021_8_5](https://doi.org/10.54092/25421085_2021_8_5).

8. Larina L.Yu. Varieties of crimes committed by lawyers (based on practice materials). *Aktualnye voprosy borby s prestupleniyami*, 2015, no. 3, pp. 15–17. EDN: [VBJMNN](#).
9. Maresina M.A. General characteristics of a lawyer as a special subject of a crime. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2021, no. 29, pp. 548–553. EDN: [SXOMFM](#).
10. Larina L.Yu. Criminal liability for crimes committed using a professional position (on the example of lawyers). *Aktualnye voprosy borby s prestupleniyami*, 2016, no. 2, pp. 14–16. EDN: [WCAQJZ](#).
11. Udovik A.O. On the criminal liability of a lawyer under the Criminal Code of the Russian Federation. *Aktualnye voprosy borby s prestupleniyami*, 2016, no. 2, pp. 22–24. EDN: [ZQXVZT](#).
12. Ignatov A.N., Kashkarov A.A., Venediktov A.A. To the definition of the content and criminal-legal assessment of the concept of “use of official position”. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 2016, vol. 2, no. 1, pp. 87–93. EDN: [XBHWMJ](#).
13. Karabanova E.N. Problems of classification of complicated office crimes. *Ugolovnoe pravo*, 2016, no. 3, pp. 50–56. EDN: [WHWTQN](#).
14. Borisova O.V. The peculiarities of fraud, misappropriation and embezzlement committed by a person misusing his/her official position. *Ugolovnoe pravo*, 2015, no. 5, pp. 15–18. EDN: [UNXAGH](#).
15. Inogamova-Khegay L., Cherebedov S. Qualification of crimes committed using official position. *Ugolovnoe pravo*, 2008, no. 4, pp. 25–31. EDN: [JTKRKT](#).
16. Yani P.S. The issues of classification of crimes. *Zakonnost*, 2018, no. 12, pp. 27–31. EDN: [NEUBII](#).
17. Shikhanov V.N. Are doctors and teachers be criminally liable as officials: nuances of law enforcement. *Zakon*, 2022, no. 4, pp. 77–90. DOI: [10.37239/0869-4400-2022-19-4-77-90](#).
18. Churlyayeva I.V. Is the lecturer at a state educational institution considered an official? *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, 2020, no. 1, pp. 27–32. EDN: [QJWYMG](#).

Classification of a crime committed by a lawyer using an official position

© 2023

Sergey V. Sklyarov, Doctor of Sciences (Law), Professor,
professor of Chair of Criminal Law

Russian State University of Justice, Moscow (Russia)

E-mail: sklyarovsv@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1874-0766>

Abstract: The issue of the possibility of classifying a crime committed by a lawyer according to the “using an official position” attribute is controversial in the theory of criminal law. In practice, in some cases this qualifying factor is used in the legal assessment of the actions of a lawyer, in other cases it is not applied. When prosecuting a lawyer, clear criteria for applying the “using an official position” qualifying factor are necessary. The paper analyzes the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which reveal the “using an official position” qualifying attribute. It is identified that the “using an official position” qualifying attribute in the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation is understood differently in relation to various crimes. The author analyzes the judicial practice of the application of the indicated qualifying attribute when prosecuting a lawyer. The study identified the lack of a unified approach of the courts to the classification of the actions of a lawyer according to the “using an official position” attribute. The paper studies the arguments of scientists who protest against the application of the “using an official position” qualifying attribute when prosecuting a lawyer. It is concluded that the official position of a lawyer is associated not with his professional status, not with the position he occupies, but with the functions that a lawyer, not being an official or a person performing managerial functions in a commercial or other organization, implements in the law enforcement process. Therefore, under certain conditions and in certain cases, there is an objective necessity to charge a lawyer who has committed a crime with the “using an official position” qualifying attribute.

Keywords: crime committed by a lawyer; use of official position; classification of crimes.

For citation: Sklyarov S.V. Classification of a crime committed by a lawyer using an official position. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 1, pp. 33–38. DOI: [10.18323/2220-7457-2023-1-33-38](#).

«Непосредственное народное волеизъявление» как конституционно-правовая категория

© 2023

Убасев Виктор Владимирович, аспирант
кафедры конституционного права

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва (Россия)

E-mail: ubasev.v@mail.ruORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7373-2753>

Аннотация: В статье рассматривается проблема определения понятия и характерных признаков конституционно-правовой категории «непосредственное народное волеизъявление», а также ее места в терминологическом корпусе отечественной науки конституционного права. Обосновывается тезис о синонимичности терминов «непосредственное народное волеизъявление» и «непосредственная демократия», дается определение этих понятий. Приводятся признаки форм прямой демократии, отличающие ее от смежных институтов конституционного права, а также специфические признаки ее высших форм – референдума и свободных выборов. Отдельно рассмотрены экстраординарные формы прямого народовластия – всенародное голосование 1993 года, посредством которого была принята действующая Конституция Российской Федерации, и общероссийское голосование по вопросу одобрения поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 года. Проанализировано содержание указанных конституционно-правовых институтов, выделены их специфические признаки. Указано, что эти институты имеют значительное сходство с федеральным референдумом, но обладают своими уникальными характеристиками, которые делают подобные электоральные процедуры наиболее подходящими для решения конкретных задач. Делается вывод о том, что институты непосредственного волеизъявления народа имеют приоритет над институтами представительного народовластия, а также о дуализме понятия «непосредственное народное волеизъявление», которое может рассматриваться в двух правовых значениях: как процесс или как результат реализации воли народа. Указывается, что основой реализации непосредственного волеизъявления народа являются три составляющих: субъект правоотношений; необходимость личного участия граждан; единство воли всех граждан и прямая взаимосвязь принятого решения с народным волеизъявлением.

Ключевые слова: народовластие; непосредственное народное волеизъявление; прямая демократия; референдум; свободные выборы; голосование.

Для цитирования: Убасев В.В. «Непосредственное народное волеизъявление» как конституционно-правовая категория // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 1. С. 39–44. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-1-39-44.

ВВЕДЕНИЕ

Термин «непосредственное народное волеизъявление» в настоящее время не получил как широкого распространения в отечественной юридической науке, так и нормативного закрепления. При этом он встречается в доктринальных и правоприменительных текстах. В частности, Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) называет общероссийское голосование по вопросу одобрения поправок в Конституцию Российской Федерации (далее – Конституция РФ, голосование 2020 года) одной из форм такого волеизъявления, имеющей особую юридическую силу¹. Термин

используется и в трудах ученых-конституционалистов, в том числе в исследованиях, посвященных проблемам конституционного права зарубежных стран. Институты прямой демократии в ряде случаев определяются через непосредственное народное волеизъявление – явление, отражающее консолидированную волю граждан государства в формализованном виде [1; 2].

Гораздо более широкое распространение в научных текстах получили такие понятия, как «непосредственная демократия» и «прямое народовластие». Проблемам реализации прямой демократии в России посвящены исследования, содержащие детальный анализ теоретической основы, системы и процедур осуществления непосредственной демократии в современной России. Важным вкладом в исследование проблем прямой демократии является выделение специфических признаков соответствующих правовых институтов, позволяющих отграничить их от других юридических категорий [3; 4].

Совершенствование непосредственной и представительной демократии, как важнейший фактор устойчивого развития государства, направлено на решение проблем взаимодействия институтов непосредственного и представительного народовластия. Исследование этих проблем позволяет более глубоко взглянуть

¹ Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

на проблематику соотношения прямой демократии и демократии представительной. В науке конституционного права высказывается мнение, что коммуникативное взаимодействие в виде демократических процедур является апробированным средством преодоления проблем и исправления ошибок, возникающих в процессе управления [5].

Нельзя отрицать факт относительно низкой научной проработанности проблем определения категории непосредственного народного волеизъявления и ее места в терминологическом корпусе науки конституционного права России. Существует мало исследований, дающих определение прямой демократии как таковой. Дефиниция данного понятия, в частности, содержится в работе [6], посвященной проблематике представительства в конституционном праве. В ней автор приходит к выводу, что непосредственная демократия представляет собой совокупность конституционно-правовых институтов, через которые народ выражает свою волю, участвует в осуществлении государственной власти или местного самоуправления.

Категория «непосредственное народное волеизъявление» представляется родственной по отношению к понятиям «прямая демократия» и «прямое народовластие», однако прийти к однозначному выводу о синонимичности данных понятий нельзя. Для этого необходимо провести детальный анализ, выявить общие и частные признаки этих правовых категорий, сделав соответствующее заключение о сходстве или различиях в их содержании.

Цель исследования – определение понятия и содержания категории «непосредственное народное волеизъявление», ее признаков и места в терминологическом корпусе отечественной науки конституционного права.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для достижения цели исследования были выявлены основные признаки форм непосредственной (прямой) демократии как конституционно-правовой категории, определено ее понятие. Проведен сравнительный анализ понятий «формы непосредственной демократии» и «формы непосредственного народного волеизъявления».

В результате анализа соответствующих законодательных и доктринальных положений были выявлены основные признаки прямой демократии, предложено определение рассмотренного понятия, а также сформулированы выводы о месте и роли категории «непосредственное народное волеизъявление» в науке конституционного права России.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представляется, что содержание понятия «формы непосредственного народного волеизъявления» может быть схожим содержанию понятия «формы непосредственной демократии». Они, очевидно, имеют родственную природу, что позволяет говорить о близости этих институтов или даже о том, что формы непосредственного народного волеизъявления являются тождественными формам непосредственной демократии.

В Конституции РФ названы две высшие формы непосредственной демократии: референдум и свободные выбо-

ры. При этом определения самого понятия прямой демократии, как и ее признаков, Конституция РФ не содержит.

Разнообразие форм непосредственной демократии велико, и особенно широкое распространение такие институты получили на первом (низовом) уровне системы публичной власти – уровне местного самоуправления. Основными формами прямой демократии здесь являются местный референдум и муниципальные выборы [7]. Среди прямых демократических процедур, проводимых на местном уровне, также выделяются сход граждан, публичные слушания, собрания граждан, общественные обсуждения и другие [8–10]. Некоторые из них имеют консультативный характер [11]. Особой формой прямой демократии является отзыв должностных лиц органов публичной власти. Реализация данного института направлена на исключение потенциальных негативных последствий от деятельности указанных должностных лиц в дальнейшем [12].

В науке конституционного права сформированы признаки форм непосредственной демократии. В частности, В.В. Комарова называет в их числе следующие: «особый круг субъектов прямого волеизъявления; единство воли и субъекта ее выражения; осуществление субъектом власти от своего собственного имени; публичный характер вопросов, являющихся предметом волеизъявления; особые формы осуществления публичной власти; цели организации и проведения соответствующих форм непосредственной демократии» [3, с. 12].

Высшие формы непосредственной демократии, именованные в Конституции РФ, обладают особыми признаками, которые присущи только данным правовым институтам. Их особенности связаны с основополагающим для демократического развития государства характером принимаемых решений по формированию выборных органов публичной власти, выявлению мнения народа по наиболее значимым вопросам государственной и общественной жизни, с императивным характером и высшей юридической силой принимаемых решений в сравнении с решениями, принятыми органами публичной власти того же уровня [13].

Важно, что под обозначенные характеристики, помимо прочих форм, подпадают также всенародное голосование по проекту Конституции РФ (далее – голосование 1993 года) и голосование 2020 года, хотя сама Конституция РФ прямо не говорит о существовании иных высших форм непосредственного выражения власти народа [14]. Нормативное закрепление данные институты получили посредством издания указа Президента Российской Федерации в 1993 году и принятия Федерального закона в 2020 году².

Названные экстраординарные формы выражения власти народа во многом схожи с федеральным референдумом, но имеют свои уникальные характеристики, которые делают эти электоральные процедуры наиболее

² Указ Президента Российской Федерации от 15.10.1993 г. № 1633 «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации» // *Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 42. Ст. 3995.*

Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

подходящими для решения конкретных задач. Так, согласно нормам действующего в 1993 году Закона о референдуме, для принятия Конституции РФ требовалось получение большинства голосов «за» от числа граждан, включенных в списки избирателей³. В то же время, в соответствии с Положением о проведении голосования 1993 года, для принятия решения достаточно было получить голоса большинства граждан, принявших участие в голосовании. Эта особенность может быть обусловлена необходимостью «обхода» действующих тогда правил о проведении референдума и гарантированием принятия предлагаемой редакции проекта Конституции РФ [15]. Аналогичный признак присущ и голосованию 2020 года, которое, кроме того, проводилось в течение нескольких дней подряд [16]. Такая мера позволила обеспечить максимальную явку избирателей, пожелавших принять участие в голосовании. Стоит отметить, что некоторые представители конституционно-правовой науки не разделяют позиции об уместности введения специальных институтов прямого народовластия и заявляют о возможности поставить под сомнение саму легальность действующей Конституции РФ. Это происходит именно из-за экстраординарного механизма ее принятия в 1993 году [17].

Здесь необходимо учитывать, что важнейшие, концептуальные изменения конституционных положений часто приходится на трудные для государства времена, особенно если речь идет о принятии новой конституции. В переломный для России период принималась и действующая Конституция РФ, и здесь частичная корректировка правил проведения голосования была возможна в угоду необходимости обеспечения стабильности правового регулирования на конкретном историческом этапе. Говоря о Конституции РФ 1993 года, С.И. Носов справедливо указывает, что «она обеспечила сохранение российского государства, воплотила в себе международный опыт, ценности и ориентиры, в центре которых находятся основные права и свободы человека» [18, с. 10]. Конечно, в тот момент допустить излишнее промедление в принятии Конституции РФ было нельзя, и внедрение всенародного голосования, как особой демократической процедуры, являлось абсолютно оправданным шагом. О сложностях, связанных с принятием Конституции РФ в условиях конституционного кризиса, говорят и другие представители юридической науки [19].

Несмотря на ведение в научных кругах дискуссий относительно принятия Конституции РФ в 1993 году, мы должны прежде всего исходить из фактических обстоятельств. Текущее положение дел показывает, что Конституция РФ является действующим нормативным правовым актом, определяющим основные принципы функционирования российского государства на протяжении почти трех десятилетий. Это свидетельствует о ее эффективности и адаптивности к меняющимся социально-экономическим условиям.

С формально-юридических позиций, каждая из рассмотренных экстраординарных форм народного волеизъявления является самостоятельным публично-

правовым институтом, они связаны с основополагающим характером принимаемых решений, направлены на учет мнения народа по важнейшим вопросам жизни общества и государственного устройства страны, характеризуются особой юридической силой принимаемых посредством голосования решений и их императивностью. Таким образом, голосования 1993 и 2020 годов по основным характеристикам идентичны высшим формам непосредственной демократии, поименованным в Конституции РФ. При этом им присущ экстраординарный характер и особенности, призванные обеспечить эффективность учета мнения народа по конкретному вопросу, включенному в повестку голосования.

Поскольку КС РФ называет общероссийское голосование 2020 года «формой непосредственного народного волеизъявления», можно, исходя из идентичности присущих ему и голосованию 1993 года основных признаков, а также анализа признаков высших форм прямой демократии, сделать вывод о том, что данный термин включает в себя как упомянутые в Конституции РФ высшие формы непосредственной демократии, так и экстраординарные формы – голосования 1993 и 2020 годов. В свою очередь, используемое Конституцией РФ понятие «высшее непосредственное выражение власти народа» неприменимо к указанным формам лишь потому, что они не получили конституционного закрепления и, соответственно, имеют иную правовую природу. При этом концептуальных отличий у них нет. Кроме того, отдельные представители науки конституционного права также называют голосование 2020 года особой формой непосредственной демократии [20].

Так как все названные институты обладают одинаковыми основополагающими признаками, можно сделать вывод о тождественности понятий «форма непосредственной демократии» и «форма непосредственного народного волеизъявления». Но что же такое «непосредственное народное волеизъявление» и что является содержанием этого понятия?

Непосредственная демократия представляет собой совокупность конституционно-правовых институтов, посредством которых народ выражает свою волю, участвует в осуществлении государственной власти или местного самоуправления. Синонимами этого понятия, в числе прочих, являются «прямая демократия» и «прямое народовластие» [4]. Таким образом, явление определяется через совокупность форм, в которых оно реализуется в жизни общества. Отсюда следует вывод, что термины «непосредственное народное волеизъявление» и «непосредственная демократия» также являются синонимичными, ведь обозначаемые ими явления облекаются в объективную форму посредством одних и тех же механизмов. При этом волеизъявление может рассматриваться в двух правовых значениях: как процесс или как результат реализации воли народа. Термин «непосредственная демократия», хотя и включает в себя оба этих явления, столь ярко выраженным дуализмом не обладает.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В ходе исследования подтвержден тезис о том, что формы непосредственного народного волеизъявления являются тождественными формам непосредственной демократии.

³ Закон РСФСР от 16.10.1990 № 241-1 «О референдуме РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1990. № 21. Ст. 230.

Их характерные признаки – единство воли и субъекта ее выражения; особый круг субъектов волеизъявления; осуществление субъектом власти от своего имени; особые формы осуществления публичной власти; цели организации и проведения соответствующих форм прямой демократии; публичный характер вопросов, являющихся предметом волеизъявления, – носят универсальный характер по отношению ко всем формам прямого народовластия.

Исходя из того, что решения, принятые посредством реализации форм непосредственной демократии, обладают более высокой юридической силой по сравнению с решениями, принятыми органами публичной власти того же уровня, можно сделать вывод о наличии явного приоритета непосредственной демократии над представительной. Кроме того, сами выборные органы публичной власти формируются посредством процедуры, представляющей собой институт непосредственной демократии, – свободных выборов.

Анализ форм непосредственного народного волеизъявления показывает, что специфическими характерными признаками обладают как высшие формы прямой демократии, так и экстраординарные процедуры, в частности, голосования 1993 и 2020 годов. Представляется, что указанные институты являются производными от федерального референдума.

В дополнение к определению непосредственной демократии, данному в работе С.А. Авакьяна [6], заметим, что наиболее емкое и краткое определение прямой демократии явствует из самого содержания положений Конституции РФ, устанавливающих основы народовластия в России. Так, по нашему мнению, непосредственное народное волеизъявление есть объективное, непосредственное выражение воли народа как особого субъекта конституционных правоотношений. Оно реализуется посредством применения соответствующих конституционно-правовых институтов – форм непосредственного народного волеизъявления. Эти утверждения носят универсальный характер и отражают суть прямой демократии на всех уровнях публичной власти: муниципальном, региональном и федеральном.

Термин «непосредственное народное волеизъявление» представляется наиболее удачным для определения сути содержания конституционно-правовых институтов, явлений, обеспечивающих непосредственное выражение воли народа как особого субъекта конституционно-правовых отношений, источника власти в демократическом государстве.

Во-первых, само понятие дает указание на субъект правоотношений, коим является многонациональный российский народ; во-вторых, из него явствует необходимость личного участия граждан в реализации форм такого волеизъявления; в-третьих, термин «волеизъявление» говорит о единстве воли всех граждан, участвующих в принятии публично-властного решения, и взаимосвязи принятого решения с волеизъявлением народа. Эти три составляющих и формируют основу непосредственной демократии.

Именно полнота и максимальный охват основных признаков описываемого явления делает понятие «непосредственное народное волеизъявление» наиболее подходящим для использования при написании юридических доктринальных, правоприменительных и, воз-

можно, законодательных текстов. Это выгодно выделяет рассмотренный термин среди синонимичных понятий, описывающих идентичные институты и явления.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

1. Непосредственное народное волеизъявление представляет собой объективное, непосредственное выражение воли народа как субъекта конституционных правоотношений.

2. Понятия «непосредственная демократия» и «непосредственное народное волеизъявление» тождественны.

3. Институты непосредственного волеизъявления народа имеют приоритет над институтами представительной демократии. Первенствующая роль прямых демократических процедур выражается в том числе в способе формирования выборных органов публичной власти посредством проведения свободных выборов.

4. Основой реализации непосредственного народного волеизъявления являются три составляющих: субъект правоотношений; необходимость личного участия граждан в реализации такого волеизъявления; единство воли всех граждан, участвующих в принятии публично-властного решения, и прямая взаимосвязь принятого решения с волеизъявлением народа.

5. Прямое народное волеизъявление может рассматриваться в двух правовых значениях: как процесс или как результат реализации воли народа. Термин «непосредственная демократия» столь ярко выраженным дуализмом не обладает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черепанов В.А. Поддержка выдвижения кандидатов: исторический контекст, проблемные вопросы и поиск решения // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 23–32. DOI: [10.12737/19762](https://doi.org/10.12737/19762).
2. Старостина И.А., Амара М.И. Современное конституционное реформирование Японии // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 73–80. EDN: [HDPSQI](https://elibrary.ru/HDPSQI).
3. Комарова В.В. Механизм непосредственной демократии современной России (система и процедуры). М.: Формула права, 2006. 558 с. EDN: [QOFQWV](https://elibrary.ru/QOFQWV).
4. Комарова В.В. Теоретические основы непосредственной демократии в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. 2012. № 1. С. 8–13.
5. Василевич Г.А. Правовая политика современного государства в области совершенствования непосредственной и представительной демократии как важнейшего фактора устойчивого развития // Право.by. 2021. № 4. С. 11–16. EDN: [BEJDVQ](https://elibrary.ru/BEJDVQ).
6. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М.: Юстицинформ, 2022. 484 с. EDN: [UWDMCC](https://elibrary.ru/UWDMCC).
7. Лукашенко В.С. Эффективность форм непосредственной демократии на муниципальном уровне в современной России (на примере местного референдума) // Теория государства и права. 2019. № 3. С. 126–133. DOI: [10.25839/MATGIP.2019.15.03.014](https://doi.org/10.25839/MATGIP.2019.15.03.014).
8. Козодубов А.А. Реализация форм непосредственной демократии при осуществлении местного само-

- управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 6. С. 27–31. DOI: [10.18572/1813-1247-2019-6-27-31](https://doi.org/10.18572/1813-1247-2019-6-27-31).
9. Евдокимов В.Б., Коньшева Е.Г. О местном самоуправлении: российский и зарубежный опыт (к ориентирам правового регулирования) // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2. С. 54–60. DOI: [10.18572/1813-1247-2019-2-54-60](https://doi.org/10.18572/1813-1247-2019-2-54-60).
 10. Михеева Т.Н., Бояринцева И.А. Инициативные проекты – новая форма непосредственной муниципальной демократии // Вестник российского университета кооперации. 2021. № 4. С. 155–160. EDN: [GKNKDJ](https://www.edn.ru/GKNKDJ).
 11. Трушчалова Т.О. Российская модель дистанционного электронного голосования в контексте зарубежной избирательной практики // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 25–33. EDN: [LWKRI](https://www.edn.ru/LWKRI).
 12. Забелина Е.П. Механизм правового регулирования муниципального процесса // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7. С. 36–44. DOI: [10.17803/1729-5920.2019.152.7.036-044](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.152.7.036-044).
 13. Писарев А.Н. Актуальные проблемы конституционного права Российской Федерации. М.: РГУП, 2016. 410 с. EDN: [VVKQXX](https://www.edn.ru/VVKQXX).
 14. Бадретдинов И.Р. Общенародное голосование в контексте форм прямой (непосредственной) демократии в Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3. С. 32–38. EDN: [QCQOGU](https://www.edn.ru/QCQOGU).
 15. Уваров А.А. Эффективность народовластия в соотношении с формами прямого волеизъявления граждан // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 32–35. EDN: [YVTJJM](https://www.edn.ru/YVTJJM).
 16. Колюшин Е.И. Избирательная реформа 2020 года в свете принципов избирательного права // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12. С. 55–61. DOI: [10.18572/1812-3767-2020-12-55-61](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-12-55-61).
 17. Кислицын И.М. Относительно положения о всенародном голосовании 12 декабря и последствий его применения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 3. С. 62–72. EDN: [NCBMZV](https://www.edn.ru/NCBMZV).
 18. Носов С.И. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации // Право и современные государства. 2019. № 1. С. 9–17. EDN: [NKGEQM](https://www.edn.ru/NKGEQM).
 19. Шахрай С.М. Конституционный кризис 1993 года и принятие конституции Российской Федерации // Вопросы правоведения. 2015. № 5. С. 10–37. EDN: [VQZLEH](https://www.edn.ru/VQZLEH).
 20. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: ИНФРА-М, 2020. 240 с. EDN: [ANUONY](https://www.edn.ru/ANUONY).
 3. Komarova V.V. *Mekhanizm neposredstvennoy demokratiy sovremennoy Rossii (sistema i protsedury)* [The Mechanism of Direct Democracy in Modern Russia (System and Procedures)]. Moscow, Formula prava Publ., 2006. 558 p. EDN: [QOFQWV](https://www.edn.ru/QOFQWV).
 4. Komarova V.V. Theoretical foundations of direct democracy in the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 8–13.
 5. Vasilevich G.A. Legal policy of a modern state in the field of improving direct and representative democracy as the most important factor of sustainable development. *Pravo.by*, 2021, no. 4, pp. 11–16. EDN: [BEJDVQ](https://www.edn.ru/BEJDVQ).
 6. Avakyan S.A. *Predstavitelstvo v konstitutsionnom prave: voprosy teorii i praktiki* [Representation in constitutional law: theoretical and practical issues]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2022. 484 p. EDN: [UWDMCC](https://www.edn.ru/UWDMCC).
 7. Lukashenko V.S. Efficiency of forms of direct democracy at the municipal level in modern Russia (by the example of a local referendum). *Teoriya gosudarstva i prava*, 2019, no. 3, pp. 126–133. DOI: [10.25839/MATGIP.2019.15.03.014](https://doi.org/10.25839/MATGIP.2019.15.03.014).
 8. Kozodubov A.A. Implementation of direct democracy forms in exercising of local self-government. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2019, no. 6, pp. 27–31. DOI: [10.18572/1813-1247-2019-6-27-31](https://doi.org/10.18572/1813-1247-2019-6-27-31).
 9. Evdokimov V.B., Konysheva E.G. On local self-government: Russian and foreign experience (towards reference points of legal regulation). *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2019, no. 2, pp. 54–60. DOI: [10.18572/1813-1247-2019-2-54-60](https://doi.org/10.18572/1813-1247-2019-2-54-60).
 10. Mikheeva T.N., Boyarintseva I.A. Initiative projects as a new form of direct municipal democracy. *Vestnik rossiyского universiteta kooperatsii*, 2021, no. 4, pp. 155–160. EDN: [GKNKDJ](https://www.edn.ru/GKNKDJ).
 11. Trushchalova T.O. The Russian remote electronic voting model within the framework of the foreign electoral practice. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2022, no. 5, pp. 25–33. EDN: [LWKRI](https://www.edn.ru/LWKRI).
 12. Zabelina E.P. The mechanism of legal regulation of the municipal process. *Lex russica (Russkiy zakon)*, 2019, no. 7, pp. 36–44. DOI: [10.17803/1729-5920.2019.152.7.036-044](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.152.7.036-044).
 13. Pisarev A.N. *Aktualnye problemy konstitutsionnogo prava Rossiyskoy Federatsii* [Topical problems of constitutional law of the Russian Federation]. Moscow, RGUP Publ., 2016. 410 p. EDN: [VVKQXX](https://www.edn.ru/VVKQXX).
 14. Badretdinov I.R. Public voting in the context of forms of direct (immediate) democracy in Russian Federation. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 3, pp. 32–38. EDN: [QCQOGU](https://www.edn.ru/QCQOGU).
 15. Uvarov A.A. Efficiency of the rule of the people in correlation with the forms of direct expression of the will of citizens. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2018, no. 3, pp. 32–35. EDN: [YVTJJM](https://www.edn.ru/YVTJJM).
 16. Kolyushin E.I. The 2020 electoral reform in view of electoral law principles. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2020, no. 12, pp. 55–61. DOI: [10.18572/1812-3767-2020-12-55-61](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-12-55-61).
 17. Kislicyn I.M. About the regulation on the countrywide voting on December 12 and the consequences of its application. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2010, no. 3, pp. 62–72. EDN: [NCBMZV](https://www.edn.ru/NCBMZV).

REFERENCES

1. Cherepanov V.A. Supporting of nomination of candidates: historical context, problems and seeking their solution. *Zhurnal rossiyского prava*, 2016, no. 6, pp. 23–32. DOI: [10.12737/19762](https://doi.org/10.12737/19762).
2. Starostina I.A., Amara M.I. Contemporary constitutional reformation of Japan. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2021, no. 8, pp. 73–80. EDN: [HDPSQI](https://www.edn.ru/HDPSQI).

18. Nosov S.I. Constitution of the Russian Federation: problems of implementation. *Pravo i sovremennye gosudarstva*, 2019, no. 1, pp. 9–17. EDN: [NKGEOM](#).
19. Shakhrai S.M. Constitutional crisis of 1993 and the adoption of the Constitution of the Russian Federation. *Voprosy pravovedeniya*, 2015, no. 5, pp. 10–37. EDN: [VQZLEH](#).
20. Khabrieva T.Ya., Klishas A.A. *Tematicheskii kommentariy k Zakonu Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ "O sovershenstvovanii regulirovaniya otdelnykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti"* [Thematic commentary to the law of the Russian Federation on the amendment to the constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 n 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities"]. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 240 p. EDN: [ANUONY](#).

“Direct will of the people” as a constitutional and legal category

© 2023

Viktor V. Ubasev, postgraduate student of Chair of Constitutional Law

*Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Moscow (Russia)*

E-mail: ubasev.v@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7373-2753>

Abstract: The paper considers the problem of defining the concept and characteristic features of the constitutional and legal category “direct will of the people”, as well as its place in the corpus of terms of the domestic constitutional law science. The author substantiates a thesis about the synonymy of the terms “direct will of the people” and “direct democracy” and gives the definition of these concepts. The paper gives some signs of the direct democracy forms, which distinguish it from other related constitutional law institutions, as well as specific signs of its higher forms – a referendum and free elections. Separately, the extraordinary forms of direct democracy are considered – the all-Russian vote of 1993, through which the current Constitution of the Russian Federation was adopted, and the all-Russian vote on the approval of the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020. The author analyzes the content of these constitutional and legal institutions, highlights their specific features. It is indicated that these institutions have a significant similarity with the federal referendum, but they have their own unique characteristics, which make such electoral procedures the most suitable for solving specific problems. The author concludes that the institutions of the direct will of the people take precedence over the institutions of representative people power, as well as about the dualism of the “direct will of the people” concept, which can be considered in two legal meanings: as a process or as a result of the implementation of the will of the people. It is stated that three components are the basis for the implementation of the direct will of the people: a subject of legal relations; the necessity of personal participation of citizens; the unity of the will of all citizens and the direct relationship of the decision made with the people’s will.

Keywords: people power; direct will of the people; direct democracy; referendum; free elections; vote.

For citation: Ubasev V.V. “Direct will of the people” as a constitutional and legal category. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 1, pp. 39–44. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-1-39-44.

НАШИ АВТОРЫ

Виноградова Анастасия Юрьевна, студент.

Адрес: Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова,
420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42.

E-mail: nastya.vin@list.ru

Забурдаева Кристина Александровна, старший преподаватель
кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

Никитин Андрей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент,
декан юридического факультета.

Адрес: Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова,
420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42.

E-mail: info@ieml.ru

Пяткин Валерий Николаевич, старший преподаватель
кафедры государственного и административного права.

Адрес: Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва,
430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

E-mail: speranzo2@mail.ru

Скляр Сергей Валерьевич, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права.

Адрес: Российский государственный университет правосудия,
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69.

E-mail: sklyarovsv@mail.ru

Убасев Виктор Владимирович, аспирант
кафедры конституционного права.

Адрес: Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 82.

E-mail: ubasev.v@mail.ru

OUR AUTHORS

Nikitin Andrey Gennadievich, PhD (Law), Associate Professor,
Dean of the Faculty of Law.
Address: V.G. Timiryasov Kazan Innovative University,
420111, Russia, Kazan, Moskovskaya Street, 42.
E-mail: info@ieml.ru

Pyatkin Valery Nikolaevich, senior lecturer
of Chair of State and Administrative Law.
Address: National Research Ogarev Mordovia State University,
430005, Russia, Saransk, Bolshevistskaya Street, 68.
E-mail: speranzo2@mail.ru

Sklyarov Sergey Valeryevich, Doctor of Sciences (Law), Professor,
professor of Chair of Criminal Law.
Address: Russian State University of Justice,
117418, Russia, Moscow, Novocheremushkinskaya Street, 69.
E-mail: sklyarovsv@mail.ru

Ubasev Viktor Vladimirovich, postgraduate student
of Chair of Constitutional Law.
Address: Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation,
119571, Russia, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82.
E-mail: ubasev.v@mail.ru

Vinogradova Anastasia Yuryevna, student.
Address: V.G. Timiryasov Kazan Innovative University,
420111, Russia, Kazan, Moskovskaya Street, 42.
E-mail: nastya.vin@list.ru

Zaburdaeva Kristina Aleksandrovna, senior lecturer
of Chair "Criminal Law and Procedure".
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru